

Лондон Д.

**БЕЛЫЙ КЛЫК
РАССКАЗЫ**

КНИГИ, ЛЮБИМЫЕ С ДЕТСТВА

Книги, любимые с детства

Джек Лондон

Белый Клык. Рассказы

«Алгоритм»

1899, 1903, 1905, 1911

УДК 82/89
ББК 84(7США)

Лондон Д.

Белый Клык. Рассказы / Д. Лондон — «Алгоритм», 1899, 1903, 1905, 1911 — (Книги, любимые с детства)

ISBN 978-5-486-03010-9

Американский писатель Джек Лондон (наст. имя Джон Гриффит; 1876–1815) прошел противоречивый и сложный творческий путь. В детстве он рано вынужден был искать заработок. Некоторое время бродяжничал, плавал матросом на промысловой шхуне, переменил множество профессий и, наконец, зараженный «золотой лихорадкой», отправился на Аляску. Золотоискательство стало темой первых его рассказов, довольно скоро принесших ему широкую известность. Романтика борьбы человека с природой вносит в произведения Лондона элементы, характерные для приключенческого жанра. Большой свежестью и своеобразием отличается цикл его повестей о животных. В данном томе публикуется повесть «Белый клык» рассказывающая о похождениях полуволка-полусобаки. Пройдя через множество опасных испытаний, он наконец обрел покой и радость в подчинении доброму хозяину. В книге также представлены рассказы, созданные писателем в разные годы.

УДК 82/89
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-03010-9

© Лондон Д., 1899, 1903, 1905, 1911
© Алгоритм, 1899, 1903, 1905, 1911

Содержание

Белый клык	6
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Часть II	20
Глава 1	20
Глава 2	24
Глава 3	28
Глава 4	30
Глава 5	35
Часть III	38
Глава 1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джек Лондон

Белый клык

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Белый клык

Часть I

Глава 1 Погоня за пищей

Мрачный еловый лес темнел по берегам замерзшей реки. Недавно бушевавший ветер стряхнул с деревьев белый покров инея, и, черные, зловещие, они жались друг к другу в умиравшем свете дня. Глубокое безмолвие царило вокруг. Весь этот край, лишенный всяких признаков жизни и малейшего движения, был так пустынен и холоден, что нельзя даже было сказать, что над ним витает дух скорби. В нем угадывался намек на смех, более ужасный, чем скорбь, безрадостный, точно улыбка сфинкса, леденящий, как стужа, соединенный с безграничным ужасом. Здесь господствовала мудрость вечности, смеющаяся над ничтожностью и тщетой борьбы. Это была пустыня, дикая, оледеневшая до самого сердца Северная пустыня.

Однако тут двигалось нечто живое, отважное. По замерзшей реке спускалась упряжка ездовых собак. Косматая их шерсть заиндевела на морозе, а дыхание тотчас же застывало в воздухе и оседало кристаллами на шкурах. На собаках была кожаная упряжь, и кожаные постромки тянулись к саням, которые тащились за ними. Сани, сделанные без полозьев из крепкой березовой коры, всею поверхностью опирались на снег. Их передняя часть загибалась, как свиток, чтобы не зарываться в мягкий снег, волнообразно расстилавшийся перед ними. Прочно привязанный ремнями, лежал на санях продолговатый, узкий ящик. Были там и другие вещи – шерстяные одеяла, топор, кофейник и сковороды, но все же большую часть саней занимал продолговатый, узкий ящик.

Впереди собак на широких лыжах с усилием шел человек. Позади саней с трудом тащился другой, а третий, для кого всякий труд был окончен, лежал на санях в ящике, лежал побежденный, уничтоженный Северной пустыней и уже неспособный более ни двигаться, ни бороться с препятствиями.

Пустыня не терпит движения. Всякая жизнь оскорбляет ее, потому что жизнь – движение, а пустыня стремится остановить все, что движется. Она замораживает воду и не дает ей течь к морю; она вытягивает соки из деревьев, пока они не промерзнут до сердцевины; но с особенной яростью и жестокостью обрушивается она на человека, потому что человек самый беспокойный из всего созданного, вечный бунтовщик против закона, в силу которого всякое движение должно, наконец, прекратиться.

И все же впереди и сзади саней неустрашимо шли через пустыню два непокорных человека, которых еще не победила смерть. Они были одеты в меха и в мягкие дубленые кожи. Собственное дыхание, превращаясь в сосульки, до такой степени залепило их ресницы, щеки и губы, что нельзя было разглядеть лиц. Это придавало им вид привидений, могильщиков из загробного мира, совершающих погребение призрака. Но это были люди, бесстрашно проникшие в страну скорби, отчаяния и безмолвия, жалкие и дерзкие авантюристы, посягнувшие на могущество мира, столь же далекого, чуждого им и безлюдного, как пространство космоса.

Люди брели молча, сберегая силы. Вокруг царил гнетущая тишина. Она давила на их души, как вода на большой глубине давит на тело водолаза. Она томила их бесконечностью пространства и неумолимостью приговора. Она проникала в самые тайные уголки сознания, выжимая из него, как сок из винограда, все ложное, напускное, всю самоуверенность, свойственную

человеческой душе, и люди сознавали себя ничтожными, жалкими существами, пылинками, бессильными и бессмысленными игрушками слепых сил природы.

Прошел час, прошел другой. Бледный свет короткого, без солнца, дня уже начал меркнуть, когда в тишине раздался слабый, отдаленный вой. Он стремительно взлетел вверх, достиг самой высокой ноты, дрожа и напрягаясь, остановился на ней, а затем медленно замер. Его можно было бы принять за стелание погибшей души, если бы в нем не было угрюмой ярости и ожесточения голода.

Шедший впереди обернулся и обменялся взглядом с тем, кто брел позади саней, и оба они покачали головами. И снова, пронзительно прорезав тишину, раздался где-то другой вой. Оба человека определили место, откуда он исходил: там, позади, в снежном пространстве, которое они только что прошли.

В ответ послышался третий вой, тоже позади, но левее второго.

– Они ведь гонятся за нами, Билл, – сказал шедший перед санями.

Его голос звучал хрипло, неестественно и натужно.

– С добычей у них плоховато, – ответил товарищ. – Уже несколько дней я не вижу ни одного заячьего следа.

Они больше не говорили, напряженно вслушиваясь в вой, который продолжал раздаваться позади них. При наступлении темноты они направили собак в еловую чащу на берегу и сделали привал. Поставленный близко к костру гроб служил столом и скамьей. Собаки, сбившись в кучу, рычали и грызлись, но не выказывали ни малейшего желания убежать в темноту.

– Сдается мне, Генри, что они чересчур уж близко жмутся к костру, – заметил Билл.

Генри, присевший на корточки у огня и устанавливавший кофейник с куском льда, кивнул. Он заговорил не раньше, чем уселся на гроб и принялся за еду.

– Они знают, где их шкуры в безопасности, – сказал он. – Для них лучше получать корм, чем самим стать кормом. Они достаточно умны, собаки-то.

Билл потряс головою:

– Ну, не знаю.

Его товарищ смотрел на него с любопытством.

– В первый раз слышу от тебя, что они глупы.

– Генри, – сказал Билл, пережевывая в раздумье бобы, – обратил ли ты внимание на то, как грызлись собаки, когда я раздавал им корм?

– Да, возни было побольше, чем обычно, – подтвердил Генри.

– Сколько мы достали собак?

– Шесть.

– Ладно, Генри... – Билл с минуту помолчал, чтобы придать своим словам больше веса. – И я говорю, Генри, у нас шесть собак. Я взял из мешка шесть рыб. Дал по рыбине каждой собаке, Генри, а вот одной из них рыбы не досталось.

– Неверно сосчитал.

– У нас шесть собак, – повторил тот бесстрастно. – Я вынул шесть рыб. Одноухому рыбы не хватило. Я вернулся к мешку и достал ему его рыбу.

– У нас шесть собак.

– Генри, – продолжал Билл, – я не говорю, что они все собаки, но рыбу получили семеро. Генри перестал жевать, взглянул через огонь и сосчитал собак.

– Там их только шесть, – сказал он.

– Я видел, как одна убежала, – с холодной настойчивостью проговорил Билл. – Их было семь.

Генри поглядел на него с состраданием и сказал:

– Я буду чертовски рад, когда это путешествие кончится.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Билл.

– Мне кажется, что наша поклажа начинает действовать на твои нервы и тебе мерещится невеста что.

– Я думал об этом, – ответил Билл серьезно, – и, когда я заметил, как она убегала, я посмотрел на снег и увидел следы. Тогда я сосчитал собак: их было шесть. Следы видны на снегу и теперь. Хочешь взглянуть? Я покажу их тебе.

Генри не отвечал, молча продолжая жевать, пока не насытился и не завершил ужин чашкой кофе.

– Так ты думаешь, это был...

Его прервал долгий, тоскливый вой, донесшийся откуда-то из мрака. Он прислушался, затем закончил фразу, махнув рукою по направлению воя:

– ...один из них?

Билл утвердительно кивнул:

– Пусть я ослепну, если не так! Ты сам заметил, какую возню подняли собаки.

Протяжный вой слышался все чаще, издали доносились ответные завывания, превращая пустыню в ад.

Собаки в страхе кучей жались так близко к огню, что подпаливали себе шерсть.

– Мне сдается, что у тебя пропала охота к разговору, – заметил Генри.

– Генри... – Билл в размышлении пососал свою трубку, прежде чем продолжать. – Генри, на мой взгляд, ему гораздо лучше нашего. – И он слегка постучал большим пальцем по ящику, на котором сидел. – Когда мы умрем, Генри, будет счастьем заполучить несколько камней над нашими телами, чтобы их не сожрали собаки.

– Но у нас нет, как у него, ни родни для этого, ни друзей, ни денег, ни всего прочего, – добавил Генри. – Похороны в таких дальних местах нам с тобою не по карману.

– Непостижимо для меня, Генри, зачем такой парень, как он, который в своей стране был не то лордом, не то чем-то в этом роде и которому никогда не нужно было заботиться ни о еде, ни о теплых одеялах, зачем пустился он бродяжить по этой забытой Богом земле, на краю света? Вот чего не могу я уразуметь.

– А мог бы дожить до преклонных лет, оставшись дома, – подтвердил Генри.

Билл открыл было рот, чтобы ответить, но передумал. Вместо этого он указал во мрак, со всех сторон стеною надвинувшийся на них. Ничего нельзя было различить в черной мгле, никаких определенных очертаний, только пара глаз, горящих, как уголья. Генри кивком головы указал на вторую пару глаз, на третью. Круг из горящих глаз стягивался вокруг их стоянки. То здесь, то там какая-нибудь пара двигалась, исчезала, чтобы секундою позже вспыхнуть в другом месте.

Усилилось беспокойство собак. Охваченные внезапным страхом, они почти вплотную приблизились к огню, прижимаясь к ногам людей.

В свалке одна из собак попала в огонь; она завизжала от боли и страха, в воздухе запахло опаленной шерстью. Кольцо горящих глаз на миг разомкнулось, даже несколько отступило, но как только успокоились собаки, вновь оказалось на прежнем месте.

– Генри, что за проклятая судьба остаться почти без зарядов!

Билл докурил трубку и помог товарищу разложить меховую постель и одеяло на сосновых сучьях, которые он набросал на снегу перед ужином. Генри, ворча, развязывал свои мокасины.

– Сколько же у тебя осталось патронов? – спросил он.

– Три, – был ответ, – а нужно бы триста. Тогда я показал бы им, черт бы их побрал!

Он сердито погрозил кулаком по направлению сверкающих глаз и стал заботливо развешивать у огня мокасины.

– Хоть бы холода прошли! – продолжал он. – Две недели пятьдесят градусов ниже нуля. Нет, не следовало мне пускаться в это путешествие, Генри! Не по себе мне что-то... Не по

вкусу мне оно! Если бы поскорее окончить его! И сидеть бы нам с тобою у камина в форте Мак-Горри да играть в криббедж, славное было бы дело!

Генри, ворча, сполз на постель. Он уже задремал, когда его разбудил голос товарища:

– Скажи, Генри, в то время, когда та, чужая, приходила за рыбой, почему собаки не набросились на нее? Вот что сбивает меня с толку.

– Ты слишком часто сбиваешься с толку, Билл, – был сонный ответ. – Раньше ты не был таким. Помолчи лучше, засни, а утром встанешь опять молодцом... Изжога у тебя, оттого ты и беспокоишься.

Они спали под одним одеялом, тяжело дыша во сне. Костер потух, и круг горящих глаз стягивался все теснее. Собаки в страхе жались друг к другу и угрожающе рычали, как только какая-нибудь пара подбиралась слишком близко. Раз они зарычали так громко, что Билл проснулся. Он осторожно, чтобы не разбудить товарища, вылез из-под одеяла и подбросил сучьев в огонь. Пламя вспыхнуло, и круг глаз подался назад. Билл посмотрел на сбившихся в кучу собак. Он потерял глаза и вгляделся пристальнее. Затем снова заполз под одеяло.

– Генри, – позвал он. – Генри!

Генри, проснувшись, что-то пробормотал, а потом спросил:

– Что еще стряслось?

– Ничего, – был ответ, – только их опять семь. Я сейчас пересчитал.

Генри принял это известие с ворчанием, перешедшим тотчас же в храп.

Утром он проснулся первым и поднял товарища с постели. Хотя было уже шесть часов, но до рассвета оставалось еще часа три. В темноте Генри начал готовить завтрак, а Билл, свернув одеяло, стал укладывать вещи.

– Послушай, Генри, – сказал он вдруг, – сколько, ты говорил, у нас собак?

– Шесть.

– А вот и неверно, – торжествуя, объявил Билл.

– Опять семь? – усмехнулся Генри.

– Нет, пять. Одна исчезла.

– Проклятье! – вскричал взбешенный Генри, бросил стряпню и пересчитал собак. – Правда, Билл! Убежал Толстяк!

– Исчез, как будто его чем-то сманили. Интересно, вернется ли он?

– Едва ли, – заключил Генри. – Они сожрут его живьем. Бьюсь об заклад, что он сейчас же, как выскочил, завизжал у них в клыках, будь они прокляты!

– Толстяк всегда был глупым псом.

– Но ни одна глупая собака не бывает глупа настолько, чтобы убегать на верную смерть.

Он окинул оставшуюся свору опытным глазом, мгновенно определяя достоинства каждого животного.

– Поручусь, что другие собаки так не сделают.

– Да, их палкой не отгонишь от костра, – согласился Билл. – Но я всегда думал, что с Толстяком что-то неладно.

И эти слова были надгробным словом для погибшей на Северном пути собаки – ничуть не короче многих других эпитафий для собак и людей.

Глава 2

Волчица

Позавтракав и увязав в саних свои скудные пожитки, путники оставили приветливый костер и пустились в путь, во мрак. И тотчас же послышался прежний заунывный вой, которым их преследователи перекликались в темноте и холоде. Шли молча. В девять часов рассвело.

В полдень небо на юге слегка зарумянилось и обозначило место, где выпуклость земли оказалась преградой между полуденным солнцем и полуночным миром. Но розовое сияние скоро померкло. Серый свет держался до трех часов, затем угас и он, и покров арктической ночи опустился на пустынную, безмолвную страну.

И едва наступил мрак, как преследующий их вой и справа, и слева, и сзади стал еще ближе, временами он раздавался настолько близко, что собаки начинали метаться в постромках.

После одного из таких припадков панического страха, когда Генри наконец успокоил собак, Билл сказал:

– Хотя бы удалось этим чертям найти где-нибудь добычу: авось уберались бы и оставили нас в покое!

– Да, слушать их приятного мало! – согласился Генри.

Больше они не обменялись ни словом вплоть до новой стоянки.

Нагнувшись над кипящим котлом с бобами, куда он подбрасывал колотый лед, Генри был изумлен звуком удара и резким визгом собак. Он выпрямился и увидел, как по снегу исчезала в темноте какая-то неясная тень. Потом разглядел стоявшего среди собак Билла, не то торжествующего, не то раздосадованного, с толстой дубинкой в одной руке и с хвостом копченого лосося в другой.

– Удалось вырвать только половину, – сообщил Билл, – но зато здорово хлопнул его. Слышал, как завизжал?

– Кто же это был?

– Не мог рассмотреть. Но у него четыре лапы, пасть и шерсть, как у пса.

– Может, это прирученный волк?

– Будь оно проклято, такое приручение! Являться во время кормежки и отнимать рыбу у собак!

Ночью, когда после ужина они сидели на ящике и курили трубки, круг из блестящих глаз сузился еще больше.

– На стадо лосей напали бы они, что ли, лишь бы оставили нас! – сказал Билл.

Генри проворчал что-то далеко не любезное, и с четверть часа оба просидели молча. Генри пристально смотрел на костер, а Билл – на круг горящих глаз, сомкнувшийся в темноте недалеко от костра.

– Хотел бы я, – начал Билл, – чтобы в эту минуту мы подходили к Мак-Горри.

– Да прикуси ты язык со всеми твоими желаниями и твоим карканьем! – не вытерпел наконец Генри. – Изжога у тебя, оттого и ноешь. Выпей соды – сразу полегчает, и мне с тобою будет веселее.

Утром Генри разбудил поток ругательств. Он приподнялся на локте и увидел товарища, стоявшего у костра среди собак с перекошенным от бешенства лицом и размахивавшего в иступлении руками.

– Эй! – крикнул Генри. – В чем дело?

– Убежал Фрог!

– Быть не может!

– Говорю, значит, убежал.

Генри выскочил из-под одеяла и кинулся к собакам.

Он тщательно пересчитал их вместе с товарищем и проклял ужасную пустыню, которая в течение двух дней отняла у них двух собак.

– Фрог самый сильный в упряжке! – мрачно заключил Билл.

– И уж совсем не глупый, – прибавил Генри.

Такой была вторая за эти два дня эпитафия.

Завтрак прошел невесело. Уцелевших собак запрягли в сани. День был повторением многих предыдущих. Люди с трудом брели по замерзшей пустыне. Молчание нарушалось лишь воем преследователей, которые невидимками шли по их следам.

С наступлением темноты, которая пришла почти сразу за полднем, вой приблизился. Преследователи не изменяли своей тактики. Собаки дрожали от страха, метались в панике, путая постромки, что еще больше угнетало людей.

– Ну, теперь, безмозглые твари, никто из вас не сбежит, – сказал с довольным видом Билл, когда на очередной стоянке закончил свою работу.

Генри оторвался от стряпни и подошел посмотреть. Его спутник привязал собак по индейскому способу, к палкам. Вокруг шеи каждой собаки он обвил кожаный ремень, а к ремню, настолько близко от шеи, чтобы собака не могла достать зубами, привязал толстую палку длиною в четыре или пять футов. Другой конец палки был притянут к вбитому в землю колу. Собака не могла перегрызть ремень около шеи, палка же мешала ей добраться зубами до ремня на другом конце. Генри одобрительно кивнул.

– Это единственный способ удержать Одноухого, – сказал он. – Этот пес перегрызает ремень так чисто, как будто перерезает ножом, и с такой же быстротой.

– Все собаки, надо полагать, окажутся целы при утренней кормежке.

– Держу пари, что окажутся, – подтвердил Билл. – Если пропадет хоть одна, я откажусь завтра от кофе.

– А ведь знают, что у нас нечем хватить по ним, – заметил Генри, указывая на сверкающие точки. – Если бы послать в них пару зарядов, они стали бы держаться попочтительнее. Каждую ночь они подходят все ближе... Отведи глаза от костра и посмотри внимательно вон туда. Видишь?

Некоторое время оба с интересом наблюдали за движениями неясных силуэтов за чертой озаренного костром круга. Пристально всматриваясь в пару сверкающих глаз, удавалось разглядеть смутные очертания зверя. Можно было даже видеть, как эти звери переходят с места на место.

Возня собак привлекла внимание мужчин. Одноухий с резким визгом рвался в темноту, все время пытаясь схватить палку зубами.

– Смотри, Билл, – прошептал Генри.

В круг, освещенный костром, боком скользнул зверь, похожий на собаку. Он двигался трусливо и в то же время нагло, все внимание обращая на собак, но не упуская из виду людей. Одноухий тянулся к нему на всю длину палки и нетерпеливо скулил.

– Это волчица, – шептал Генри, – она погубила Толстяка и Фрога. Она завлекает собак, а стая набрасывается и сжирает их.

В огне затрещало. Головня откатилась с шипением. При этом звуке странный зверь отпрыгнул во мрак.

– Я думаю, Генри...

– Что ты думаешь?

– Я думаю, что этого-то зверя я и попотчевал дубинкой.

– Вне всякого сомнения, – был ответ.

– Я хочу лишь обратить твоё внимание на то, – продолжал Билл, – что она привыкла к кострам, – и это подозрительно.

– Да, она знает больше, чем полагается знать уважающей себя волчице, – согласился Генри. – Волчица, хорошо знающая время кормежки собак, немало повидала на своем веку.

– У старого Виллэна когда-то собака ушла с волками, – размышлял вслух Билл. – Мне надо бы это помнить. Я же и застрелил ее в стае волков, когда мы охотились на лосей у Литл-Стика. Старик Виллэн плакал тогда как ребенок. Он не видел ее около трех лет, как он говорил. Все это время она провела в стае и совершенно одичала.

– Считаю, что ты близок к истине, Билл! Это не волк, а собака, которая не раз ела рыбу из рук человека.

– Если представится случай, я покончу с ней, будь она волк или собака. Мы не можем больше терять собак.

– Да, но у тебя всего три заряда, – возразил Генри.

– Постараюсь убить наповал, без промаха.

Поутру Генри разжег костер и готовил завтрак под аккомпанемент храпа товарища.

– Ты спал на славу, – сказал Генри, принимаясь с ним за еду. – Мне было жаль тебя будить.

Полусонный Билл ел вяло. Он заметил, что его чашка пуста, и потянулся к кофейнику. Но кофейник стоял возле Генри, и его нельзя было достать.

– Послушай, Генри, – сказал он кротко, – не забыл ли ты чего-нибудь?

Генри посмотрел очень внимательно вокруг себя и покачал головой. Билл поднял пустую чашку.

– Ты не получишь кофе, – объявил Генри.

– Он опрокинулся?

– Нисколько.

– Ты находишь, он вреден для моего желудка?

– Нисколько.

Краска гнева залила лицо Билла.

– В таком случае я был бы очень благодарен, если бы ты объяснил мне...

– Крепыш исчез, – отвечал Генри.

Не торопясь, с видом полнейшей покорности судьбе, Билл обернулся и, не сходя с места, пересчитал собак.

– Как это случилось? – безучастно спросил он.

Генри пожал плечами:

– Не знаю. Если только Одноухий не перегрыз ему ремень. Сам он не мог, конечно, сделать этого.

– Проклятая тварь! – Билл говорил увесисто и медленно, без всякого признака гнева, который кипел в нем. – Если не мог перегрызть своей привязи, так выпустил Крепыша.

– Что ж, все тревоги для Крепыша кончились: я полагаю, его уже переварили за это время и он теперь в кишках двадцати волков.

Такую эпитафию сказал Генри последней погибшей собаке.

– Пей кофе, Билл!

Но Билл покачал головой.

– Пей же! – настаивал Генри, протягивая кофейник.

– Пусть меня повесят, если выпью. Я сказал, что не стану пить, если какая-нибудь собака пропадет, и я сдержу слово.

– Отличный кофе! – сказал Генри с видом искусителя.

Но Билл был непреклонен и ел всухомятку, посылая Одноухому проклятия за сыгранную шутку.

– Сегодня ночью я привяжу каждую собаку порознь, – сказал Билл, когда они тронулись в путь.

Не прошли они и ста ярдов, как Генри, бывший впереди, нагнулся и поднял какой-то предмет, за который задела его лыжи. Было темно, и он не мог разглядеть, что это, но узнал на ощупь. Генри отбросил его назад, так что предмет этот ударился о сани и отскочил к лыжам Билла.

– Может быть, тебе еще понадобится эта штука, – сказал Генри.

Билл ахнул. Это было все, что осталось от Крепыша, – палка, к которой он его привязал.

– Его сожрали вместе с привязкой. Ремень на палке съеден начисто на обоих концах. Да, они дьявольски голодны, Генри. И раньше чем окончится наша поездка, они до нас доберутся.

Генри вызывающе рассмеялся:

– Хотя и не случилось, чтобы за мною гонялись волки, но я попадал в переделки похуже и все-таки пока жив. Нужно кое-что посерьезнее стай назойливых тварей для твоего покорного слуги, Билл, сын мой!

– Не знаю, не знаю, – зловеще бормотал Билл.

– Ладно, узнаешь, когда доберемся до Мак-Горри.

– Не очень-то верится в это, – стоял на своем Билл.

– Просто ты не в духе, вот в чем дело, – решительно заявил Генри. – Тебе необходимо принять хины; погоди, я заставлю тебя проглотить изрядную дозу, дай только добраться до Мак-Горри.

Билл недовольным ворчанием выразил свое несогласие с таким диагнозом и умолк.

День прошел, как все прежние. В девять часов рассвело, в двенадцать горизонт на юге несколько порозовел от невидимого солнца, а вскоре затем начал сгущаться холодный серый вечер, который через три часа должен был перейти в ночь.

Когда солнце сделало слабую попытку появиться, Билл вытащил из-под поклажи в санях ружье.

– Держи прямо, Генри, а я пройдуся, посмотрю, что тут такое творится.

– Лучше бы тебе не отдаляться от саней, – запротестовал товарищ. – У тебя всего три заряда, а как знать, что может еще случиться.

– Ну, кто из нас теперь скулит? – с торжествующим видом спросил Билл.

Генри ничего не ответил и пошел вперед, часто и беспокойно оглядываясь на серую пустыню, где вскоре пропал из виду его спутник.

Час спустя по следу саней вернулся Билл. Он сказал:

– Они бродят враспынную, не упускают из виду нас и в то же время ищут другую добычу. Видишь ли, в нас-то с тобой они уверены; знают, что надо только еще немного подождать, а пока они охотно подобрали бы все, что попадется из съедобного.

– По-твоему, они думают, что уверены в нас? – колко возразил Генри.

Билл не обратил на ответ внимания.

– Видел я некоторых из них. Страшно тощие. По всему судя, они неделями не видели ни кусочка, если не считать Толстяка, Фрога и Крепыша. А их так много, что эта добыча только разожгла их аппетит. Да, удивительно тощие, ребра, как палки, а животы втянуты под самые позвонки. Словом, вид отчаянный, скоро всякий страх забудут, и тут уж берегись!

Через несколько минут Генри, который теперь шел за санями, издал тихий предупредительный свист.

Билл обернулся, посмотрел и спокойно остановил собак. Позади из-за последнего поворота и совершенно на виду по их свежим следам рысью бежал косматый зверь. Он принюхивался к следам и бежал как-то особенно легко, скользящей рысцой. Когда люди остановились, встал и он, подняв морду и пристально смотря на них, ноздри его вздрагивали, он ловил людской запах.

– Волчица, – сказал Билл.

Собаки лежали на снегу. Билл обошел их и приблизился к товарищу. Оба они рассматривали странного зверя, который преследовал их столько дней и уже истребил половину собачьей упряжки.

Осмотревшись, зверь сделал несколько шагов. Так повторилось несколько раз, пока расстояние не сократилось ярдов на сто. Тогда он остановился с вытянутой мордой, нюхая воздух и следя за людьми. Зверь смотрел на них странно, тоскливым взглядом собаки, в котором,

однако, не было и следа собачьей преданности, а был лишь голод, свирепый, как его клыки, беспощадный, как эта стужа.

Зверь был велик для волка; такое большое тело могло бы принадлежать разве только крупнейшим представителям этого рода.

– Почти два с половиной фута ростом, – определил Генри. – И, быюсь об заклад, в ней не меньше пяти футов длины.

– И совсем особенной масти! – добавил Билл. – Я никогда не видал таких рыжеватых волков, почти цвета корицы.

Конечно, зверь не был цвета корицы. Его шерсть была совершенно волчьей. Преобладал серый цвет с рыжеватым оттенком, который, собственно, и сбивал с толку, то проступая, то исчезая, и шерсть становилась иногда серой, а иногда красновато-рыжей.

– Больше всего зверюга походит на большую косматую упряжную собаку, – сказал Билл. – Я не удивлюсь, если он замотает хвостом.

– Эй! Как тебя, лохматый! – позвал он. – Поди-ка сюда.

– Не очень-то подманишь! – засмеялся Генри.

Билл угрожающе замахнулся и громко крикнул, но животное не выказало страха. Можно было подметить в нем лишь одну перемену: оно еще больше насторожилось. Оно продолжало смотреть на них с беспощадной, голодной тоской. Перед ним была еда, а зверь голодал, и он бросился бы на них, если бы посмел.

– Слушай, Генри, – сказал Билл, бессознательно понижая голос до шепота и что-то обдумывая, – у нас три заряда. Но надо наповал. Не могу упустить. Эта тварь лишила нас уже трех собак, и мы должны это прекратить. Что ты скажешь?

Генри кивнул головой, соглашаясь. Билл осторожно достал из саней ружье.

Он уже прицелился, но выстрелить не удалось, потому что волчица мгновенно прыгнула в сторону и исчезла среди елей.

Люди посмотрели друг на друга. Генри выразительно посвистал.

– Я мог бы это предвидеть, – упрекнул себя вслух Билл, кладя на место ружье. – Конечно, волк, знающий время кормежки собак, должен быть знаком и с ружьем. Клянусь, Генри, что эта тварь – причина всего нашего бедствия: ведь у нас оставалось бы шесть собак вместо трех, если бы не она. И еще скажу, Генри, что я решил убить эту волчицу. Хотя она слишком хитра для того, чтобы застрелить ее на открытом месте, но все-таки я уложу ее: я застрелю ее из засады, и это так же верно, как то, что меня зовут Билл.

– Только не отходи слишком далеко, – посоветовал спутник. – Если эта стая нападет на тебя, твои три заряда для них будут, как пробки. Звери чертовски голодны, и если набросятся, то наверняка сожрут тебя, Билл!

В эту ночь они рано сделали привал. Три собаки не могли, конечно, тащить сани ни так долго, ни так быстро, как это делали бы шесть, и выглядели усталыми. Люди рано легли спать, и Билл улегся первый после того, как привязали собак ремнями отдельно одну от другой.

Но волки стали еще смелее и не раз будили их.

Они подходили так близко, что собаки начинали бесноваться от страха. Необходимо было подкладывать дрова в огонь, чтобы держать обнаглевших хищников на расстоянии.

– Я слышал от моряков об акулах, сопровождающих корабли, – заметил Билл, залезая под одеяло после того, как он в очередной раз подбросил топлива. – Так вот волки – это сухопутные акулы. Они знают свое дело получше нашего и бегут за нами вовсе не для моциона. Они уверены, что сожрут нас, Генри!

– Ты уже съеден наполовину, если все время об этом говоришь, – резко возразил Генри.

– Они сжирали людей и получше нас с тобою, – ответил Билл.

– Да перестань же ты каркать! Ты меня бесишь.

Генри сердито повернулся на другой бок, удивляясь, что Билл не вступил с ним в перекоры. Это не походило на Билла, потому что его легко было вывести из себя резкими словами. Генри долго думал об этом, перед тем как заснуть, а когда его веки уже слипались, успел сделать заключение: «Без сомнения, Билл упал духом. Завтра я подбодрю его».

Глава 3

Песнь голода

День начался благополучно. За ночь не пропало ни одной собаки, и путники бодро двинулись в путь, углубляясь в безмолвие, мрак и холод. Билл, казалось, позабыл свои ночные предчувствия и даже шутил с собаками, когда те опрокинули сани.

Это была досадная неловкость. Сани перевернулись и застряли между стволом дерева и большим утесом. Билл и Генри были вынуждены снять с собак постромки. Наклонившись над санями, они старались поставить их прямо, когда Генри заметил, что Одноухий несколько отдалился.

– Назад, Одноухий! – крикнул он собаке.

Но Одноухий бросился бежать, волоча постромки. А там, где оставались их колеи, выйдя из-за сугробов, ждала его волчица. Пес приблизился к ней и вдруг насторожился, замедлил шаги и остановился. Он смотрел на нее внимательно и недоверчиво, хотя и похотливо. Она же, казалось, улыбалась ему, скаля зубы скорее благосклонно, нежели угрожающе. Она игриво сделала несколько прыжков и остановилась. Одноухий двинулся за ней медленно и осторожно, подняв хвост и уши, вытянув морду. Он попытался обнюхать ее, но она игриво отпрыгнула. На каждый шаг вперед с его стороны она отвечала шагом назад. Она заманивала его, шаг за шагом уводя от защиты людей. Вдруг как будто неясное подозрение остановило его, он оглянулся и посмотрел на опрокинутые сани, на своих товарищей по упряжке и на людей, подзывавших его. Но если мысль об опасности и зародилась у него в мозгу, она быстро была рассеяна волчицей, которая подбежала к нему на мгновение, обнюхала его и возобновила игру, уводя его все дальше.

Между тем Билл вспомнил о ружье, но оно было придавлено опрокинувшимися санями, и пока Генри помогал ему поправить груз, Одноухий и волчица оказались слишком близко друг к другу, чтобы стрелять с такого расстояния.

Слишком поздно Одноухий понял свою ошибку. Еще не догадываясь, в чем дело, оба человека заметили, что пес повернулся и бросился назад. И тут они увидели, что десяток тощих серых волков несутся по снегу под прямым углом к пути наперерез Одноухому. Сразу окончились заигрывания волчицы. С рычанием она прыгнула на Одноухого, но он отбросил ее плечом; видя, что прямая дорога назад отрезана, и все еще надеясь добраться до саней, он бросился к ним по кругу. Но волков прибывало все больше и больше, и все они участвовали в погоне. Волчица была ближе всех, на расстоянии прыжка позади Одноухого.

– Куда? – вдруг крикнул Генри, схватив товарища за плечо, но Билл стряхнул его руку.

– Хватит! – сказал он. – Больше они не получат ни одной собаки.

С ружьем в руках он бросился в кустарник, окаймлявший дорогу. Его намерение было ясно. Приняв сани за центр круга, по которому бежал Одноухий, он рассчитывал пересечь круг в точке, ближайшей к преследователям. С ружьем да еще среди бела дня можно было напугать волков.

– Билл! – крикнул ему вслед Генри. – Будь осторожен! Не рискуй!

Генри присел на сани и стал ждать – больше ему ничего не оставалось. Билл уже скрылся из виду, но меж кустов и елей то тут, то там можно было видеть Одноухого. Собака явно понимала опасность, но она бежала по внешнему кругу, в то время как стая волков по внутреннему,

более короткому. И напрасно было думать, что Одноухий настолько опередит своих преследователей, что сможет прорваться сквозь них и добежать до саней.

Их пути скоро должны были сойтись. Генри знал, что волки, Одноухий и Билл встретятся где-то в снегах, скрытые от его глаз деревьями и кустами. Все произошло быстро, гораздо быстрее, чем он ожидал. Он услышал выстрел, затем еще два, быстро последовавших друг за другом, и понял, что все заряды у Билла вышли.

Послышались громкое рычание, лай и визги, и он узнал голос Одноухого, полный ужаса. Слышал он и волчий вой, говоривший, что зверь ранен. Потом все смолкло. Прекратилось рычание, замер вой. В безлюдной пустыне водворилась тишина.

Долго сидел Генри на санях. Незачем было идти и узнавать, что случилось. Он знал все, словно это произошло перед его глазами. Вдруг он поднялся и поспешно достал топор. Но снова сел и надолго застыл в оцепенении, а две оставшиеся собаки жались к его ногам и дрожали от страха. Наконец он устало поднялся, словно вся гибкость покинула его тело, и стал запрягать собак. Он перекинул одну постромку через плечо и потащил сани вместе с собаками. Но шли они недолго. Когда начало темнеть, Генри остановился и заготовил как можно больше топлива. Накормил собак, сварил себе еду, поужинал и устроил постель подле костра.

Однако ему не удалось насладиться сном. Он еще не закрыл глаза, а волки уже подошли очень близко. Они расположились вокруг, и Генри мог отчетливо видеть их при свете пылавших сучьев, лежащих, сидящих, подползающих на животе или бродящих взад и вперед. Многие даже спали. Он видел их, свернувшихся, как собаки, в клубок и наслаждающихся сном; сам он теперь не смел позволить себе задремать ни на минуту. Он поддерживал костер, потому что знал, что только это и было преградой между его телом и голодными клыками волков. Обе собаки жались к нему, надеясь на защиту, выли, рычали, а по временам отчаянно визжали и лаяли, когда какой-нибудь волк подбирался ближе других к огню.

В минуты, когда собаки визжали и лаяли, весь круг приходил в возбуждение, волки вскакивали, прыгали, порываясь вперед, и поднимался яростный хор рычания и воя. Затем все успокаивалось, и волки вновь погружались в прерванный сон.

Но круг сжимался все теснее. Иногда он становился так узок, что звери оказывались почти на расстоянии прыжка. Тогда Генри выхватывал из костра головню и бросал в стаю. Следовало поспешное отступление, сопровождаемое яростным визгом и испуганным рычанием, если горячая головня попадала в цель.

Утро застало Генри угрюмым и осунувшимся, с безумными от бессонницы глазами. Он приготовил себе в темноте завтрак и в девять часов, когда с рассветом разогнал стаю, принялся за работу, которую обдумал в течение долгих часов ночи. Срубив молодые деревья, он устроил платформу и прикрепил ее ремнями высоко к стволам елей. Употребив ремни от саней как подъемный канат, он с помощью собак втащил гроб на платформу.

– Они сожрали Билла и могут сожрать меня, но никогда не достанут тебя, молодой человек, – сказал он, обращаясь к мертвецу, погребенному высоко среди еловых крон.

После этого Генри пустился в путь, и собаки быстро потащили пустые сани, потому что тоже понимали, что спасутся они, только прибыв в форт Мак-Горри. Волки преследовали их теперь совершенно открыто; они бежали с невозмутимым видом рысью сзади и по обеим сторонам саней, с высунутыми красными языками, с резко выступающими при каждом движении ребрами. Они были настолько истощены, что кожа висела мешками, лишь мускулы проступали, как веревки. Генри удивлялся, что они до сих пор еще не попадали в изнеможении на снег.

Он теперь не осмелился идти до самой темноты. В полдень солнце не только окрасило горизонт, но даже выглянуло оттуда бледным золотым ободком. Генри принял это как добрый признак. Дни удлинялись. Возвращалось солнце. Но едва померк приветливый свет, он остановил собак. Оставалось еще несколько часов серого дневного света и мрачных сумерек для того, чтобы нарубить как можно больше сучьев.

Вместе с ночью к нему пришел ужас. Остервенелые от голода волки становились все смелее, к тому же на Генри сказывалась и предыдущая ночь без сна. Он дремал, присев у огня с одеялами на плечах, с топором между колен и с плотно жавшимися к нему собаками по бокам. Раз он проснулся и увидел футок в двенадцати перед собою огромного серого волка, одного из самых больших в стае. И, даже встретившись взглядом с Генри, зверь продолжал осторожно потягиваться, точно ленивая собака, зевая ему прямо в лицо и поглядывая на него как на свою собственность, потому что человек был добычей, которую он непременно съест в недалеком будущем.

Такую уверенность выказывала и вся стая. Генри насчитал два десятка волков, жадно поглядывавших на него или спокойно спавших в снегу. Они напоминали ему детей, собравшихся за накрытым столом и ожидавших позволения приступить к еде. И он был тем блюдом, которое они скоро съедят.

Ему хотелось знать, как и когда начнется обед.

Подбрасывая дрова в огонь, Генри открыл, что его тело очень дорого ему, а раньше он этого никогда не замечал. Он наблюдал за работой своих мускулов и очень заинтересовался искусным механизмом пальцев. При свете костра он сгибал их то медленно, то быстро, то по одному, то все вместе, то растопыривая, то сближая. Он изучал строение ногтей и царапал ими кончики пальцев то сильно, то слабо, определяя чувствительность нервов. Это восхищало его, и он внезапно преисполнился нежной любовью к этому прекрасному телу, которое работало так чудесно, так легко, так ловко. Он бросил боязливый взгляд на кольцо из волков, выжидательно расположившихся вокруг него, и вдруг его поразила мысль, что это прекрасное тело не что иное, как мясо, пища, добыча прожорливых зверей, которые разорвут и раздерут его своими клыками; такая же пища для них, какою для него часто были лоси и зайцы.

Он очнулся от дремоты, которая переходила в кошмар, и увидел перед собой рыжую волчицу. Она сидела на снегу, в каких-нибудь шести шагах, и нетерпеливо смотрела на него. Обе собаки скулили и рычали у его ног, но волчица не обращала на них никакого внимания. Она смотрела на человека, и некоторое время он тоже смотрел на нее.

В ней не было ничего свирепого. Скорее, в ее взгляде была страшная тоска, которая, он знал, говорила о таком же страшном голоде. Он был пища и возбуждал в ней лишь вкусовые ощущения. Ее пасть была раскрыта, оттуда текла слюна, и волчица облизывалась, предвкушая насыщение.

Безумный страх овладел Генри. Он быстро протянул руку за головней, чтобы бросить ее в зверя. Но прежде чем он успел схватить ее, волчица отпрыгнула в темноту, и он понял, что она когда-то привыкла к тому, что в нее бросали чем попало. Отпрыгнув, она огрызнулась и до корней оскалила белые клыки, а ее пристальный взгляд горел такой кровожадной злобой, что он содрогнулся. Держа головню, он невольно посмотрел на свою руку и заметил всю ловкость своих пальцев: их приспособляемость к неровной поверхности, их способность охватывать грубое дерево, чувствительность, с какою мизинец машинально отстранялся от горящего места; в то же время ему ясно представилось, как белые зубы волчицы раздробят и раздерут эти нежные пальцы. И никогда не любил он так свое тело, как теперь, когда увидел всю непрочность своего существования.

Всю ночь Генри отбивался горящими головнями от голодной стаи. Когда его одолевала дремота, визг и рычание собак будили его. Настало утро, но на этот раз свет не рассеял волков. Тщетно ждал человек, чтобы они ушли. Волки тесным кольцом расселись вокруг огня с дерзостью, от которой он содрогнулся.

Генри попытался отправиться в путь, но едва он вышел из-под защиты костра, как самый смелый волк бросился на него. Генри отпрянул назад и этим спас себя: челюсти зверя щелкнули в шести дюймах от его бедра. Тут уже вся стая ринулась к нему, и он с трудом отогнал их, бросая горящие ветви.

Даже днем не смел он оставить костер, чтобы нарубить дров. Огромная засохшая ель возвышалась в двадцати шагах. Он потратил полдня на то, чтобы протянуть свой костер до этого дерева, ежеминутно кидая горящие ветки в своих врагов. Добравшись до ели, он осмотрелся, чтобы свалить дерево к тому месту, где было больше сухого хвороста.

Следующая ночь была повторением предыдущей, за исключением того, что он уже не мог бороться со сном. Собаки лаяли не переставая, а его притупившееся от усталости сознание уже не реагировало на их возбуждение. Раз он проснулся в испуге: волчица была меньше чем в ярде от него. Машинально он бросил головню и попал прямо в открытую пасть; она отскочила, завизжав от боли, и он испытал наслаждение от запаха горелого мяса и шерсти, видя, как она трясет головой и злобно рычит уже шагах в двадцати.

На другую ночь, чтобы не задремать, он привязал горящую сосновую ветвь к правой руке. Едва закрывались на минуту его глаза, как боль от ожога будила его. Несколько часов провел он таким образом. Всякий раз, просыпаясь, он отгонял волков головнями, подкладывал дров и снова прикреплял ветку к руке. Все шло хорошо, но в одно из пробуждений он привязал ее плохо, и ветка выпала из руки, когда он спал. Ему снилось, что он прибыл в форт Мак-Горри. Было тепло и уютно, и он играл с фактором в кривбедж. Но ему казалось еще, что форт осаждают волки, которые воют у самых ворот, и что по временам он и фактор отрываются от игры, чтобы послушать вой и посмеяться над напрасными усилиями зверей ворваться в форт. И вдруг – какой странный сон! – раздался треск. Дверь распахнулась, и огромная стая волков ворвалась в казармы форта. Они вот-вот набросятся на него, их вой стал невыносимым... Сон становился чем-то знакомым, но ужасный волчий вой мешал ему понять, чем именно.

Он проснулся и наяву услышал вой и рычание. Волки окружили и бросились на него. Клыки впились ему в руку. Инстинктивно он прыгнул в костер и в этот миг почувствовал острую боль в ноге от полоснувших по ней зубов. Началась битва. Толстые рукавицы защищали его руки, он швырял горячие угли во все стороны, и скоро костер стал походить на вулкан.

Но это не могло продолжаться долго. Он обжег себе лицо до волдырей, опалил брови и ресницы, ноги нестерпимо пекло. С пылающими головнями в руках он прыгнул на край костра. Волки отступили. Повсюду, куда падали горячие уголья, шипел снег, и там и сям, наступая на них, отскакивали и визжали звери. Расшвыряв головни в ближайших врагов, он сбросил в снег дымящиеся рукавицы и стал топтаться в снегу, чтобы охладить ноги. Обе собаки исчезли, и он хорошо знал, что они послужили очередным блюдом на этом затянувшемся обеде, который начался несколько дней назад с Толстяка и закончится на нем самом на следующий день.

– Нет, вы еще не сожрали меня! – кричал он, бешено грозя кулаками голодным зверям; и от звуков его голоса волновалась вся стая, волчица же кралась к нему по снегу и жадно следила за ним голодными глазами.

Новая идея пришла ему в голову, и он принялся за ее исполнение. Он разложил костер большим кольцом вокруг себя и растянулся внутри на тающем снегу на одеяле. Когда таким образом он исчез за стеною пламени, вся стая волков с любопытством окружила костер, чтобы узнать, что с ним случилось.

До сих пор он мешал им подходить к огню, теперь же они расселись у костра тесным кольцом, как собаки, моргая, зевая и потягиваясь тощими телами в непривычном тепле. Вдруг волчица, подняв голову и уставившись на звезды, завывала. Один за другим стали подтягивать ей и волки, и наконец вся стая, задрав морды к небу, принялась оглашать воздух голодным воем.

Рассвело. Костер догорал. Дрова кончились, и надо было возобновить их запас. Генри сделал попытку выйти из своего огненного круга, но волки поднялись ему навстречу. Теперь головни заставляли их только отскакивать немного в сторону, они уже не отбегали, как он ни силился прогонять их. Когда же он, потеряв всякую надежду, перестал это делать, какой-то волк прыгнул на него, но промахнулся и попал всеми четырьмя лапами на горячие уголья. Волк завыл от страха и боли и пополз обратно с обожженными лапами.

Человек же, сгорбившись, сидел на одеяле. По бессильно опущенным плечам, по наклоненной покорно голове видно было, что у него не осталось сил бороться. Порою он поднимал голову и тупо смотрел на догорающий костер. Круг пламени и горящих углей был уже кое-где разомкнут. Свободные от огня проходы в нем все расширялись, а пламя уменьшалось.

– Что ж, можете теперь меня сожрать, – бормотал он, – теперь мне все равно, я засну... Я не могу больше...

Он проснулся и прямо перед собой увидел волчицу, не сводившую с него глаз.

Через несколько минут, хотя ему они показались в полудреме часами, он снова пришел в себя. Таинственная перемена произошла за это время, настолько таинственная, что он вдруг очнулся. Что-то случилось, но что? Он не мог понять. Волки исчезли. Оставались только их следы на истоптанном снегу, показывающие, как близко они к нему подобралась.

Сон снова начал одолевать его. Голова склонилась на колени... вдруг он вздрогнул и прислушался. Где-то вдалеке слышались голоса людей, скрип саней и взвизгивание собак. Четверо саней тянулись между деревьями от реки к его стоянке. Группа людей окружила человека, ползавшего в центре угасающего костра. Они трясли и теребили его, пытались привести в себя, но он смотрел на них, как пьяный, и вяло бормотал сонным голосом:

– Рыжая волчица... приходила к собакам во время кормежки... Сначала ела собачий корм... Потом собак... Потом Билла.

– Где же лорд Альфред? – кричал ему в уши один из прибывших, грубо тряся его.

Он медленно покачал головой:

– Нет, его она не сожрала... он на дереве, где была последняя стоянка.

– Мертвый? – вскричал первый.

– Да, и в гробу, – ответил Генри.

Он сердито высвободил плечо из тисков спрашивавшего.

– Слушайте! Убирайтесь!.. У меня голова налита свинцом... Спокойной ночи всем...

Его глаза закрылись, подбородок упал на грудь. И как только его положили на одеяла, в морозном воздухе раздался его храп.

Но слышались и другие звуки. Это был далекий и тоскливый вой голодной волчьей стаи, направлявшейся за другой добычей после того, как человек ускользнул от их зубов.

Часть II

Глава 1 Битва клыков

Волчица первая уловила звуки человеческих голосов и повизгивание собак, запряженных в сани, и она же первая отбежала от человека, загнанного в кольцо из угасающего пламени. Стая вовсе не была расположена отказываться от затравленной добычи, и несколько минут волки медлили, прислушиваясь к новым звукам, но вскоре и они бросились вслед за убегавшей волчицей.

Впереди стаи бежал крупный серый волк, один из ее вожakov. Он-то и направил стаю по следам волчицы, угрожающе рыча на молодых и даже кусая их, когда те, забывшись, пытались обогнать его. Он же ускорил бег, когда увидел волчицу, трусившую рысцой по снегу.

Она побежала с ним рядом, как будто это было ее привычное место, и больше не покидала стаю. Волк не огрызался на нее, не скалил зубов, если ей случалось опередить его. Напротив, он казался благосклонно расположенным к ней, настолько благосклонно, что это ей не нравилось и она рычала и обнажала клыки, если он пытался бежать слишком близко. Она даже при этом иногда кусала его за плечо. Но и тогда он не выказывал гнева. Он только отбегал в сторону и несколькими неловкими прыжками опережал ее, напоминая своим видом и поведением смущенного деревенского парня.

В этом и заключались все его неприятности во время бега; ее же одолевали другие заботы. С другого бока бежал тощий, старый, седой волк, отмеченный шрамами многих битв. Он все время бежал с правой стороны. Это объяснялось тем, что он был крив на правый глаз. У него тоже было стремление прижиматься к ней, и его морда, покрытая рубцами, дотрагивалась до ее бока, плеча или шеи. Как и от бегущего слева вожакa, она встречала эти знаки внимания лязганьем зубов; когда же они оба выражали внимание одновременно, грубо тесня ее, она отгоняла обоих ухаживателей быстрыми укусами. Тогда оба самца, скаля клыки, угрожающе рычали друг на друга. Их соперничество должно было бы привести к битве, но из-за крайнего голода всей стаи поединок откладывался до более удобного случая.

После каждого такого отпора, когда старый волк быстро увертывался от острых зубов предмета своих вожделений, он сталкивался плечом с молодым трехлетком, который бежал со стороны его слепого глаза. Этот молодой волк вполне возмужал и, принимая во внимание голодное положение стаи, выделялся силой и пылом. Тем не менее он бежал, приотстав от одноглазого. Если же он пытался поравняться с ним (что бывало редко), ему доставались укусы и рычание. Временами, однако, он осторожно втирался между старым вожакom и волчицей. И за это ему доставалось вдвойне и даже втройне. Когда волчица рычанием выражала свое неудовольствие, старый волк налетал на трехлетка; иногда она присоединялась к нему, а иногда и молодой вожак, бежавший слева от нее.

В таких случаях, при виде трех оскаленных пастей, молодой волк круто останавливался и садился на задние ноги, сильно упираясь передними, угрожающе скалясь и ошетиливаясь. От этого нарушался бег всей стаи. Задние волки наталкивались на остановившегося молодого и выражали неудовольствие, злобно кусая его за ляжки и за бока. Его положение становилось опасным, так как голод озлобил стаю. Но с безграничной самоуверенностью молодости он повторял свои попытки, хотя они явно не имели никакого успеха и доставляли ему одни неприятности.

Попадись сейчас добыча, тотчас же начались бы любовь и соперничество и стая рассеялась бы. Но положение волков оставалось по-прежнему отчаянным. Они были изнурены продолжительным голодом и бежали далеко не так быстро, как обычно. В хвосте еле плелись самые слабые – очень молодые и очень старые; сильнейшие были впереди. Все они походили скорее на скелеты, чем на настоящих волков. Тем не менее, за исключением хромавших, в движениях зверей не было заметно ни усилий, ни усталости. Их мускулы, казалось, обладали неистощимой энергией. Всякое сокращение стального мускула сменялось новым сокращением, повторялось еще и еще и казалось бесконечным.

Много миль пробежали волки в этот день. Они бежали и ночью. И следующий день застал их все также бегущими по замерзшей пустыне. Здесь не было и признака жизни. Они лишь двигались и были живыми существами в этом царстве смерти. Они лишь неустоимо рыскали в поисках других живых существ, чтобы пожрать их и тем продолжить свою жизнь.

Много долин, холмов и низин пришлось им пересечь, прежде чем их поиски увенчались успехом. Первой их добычей стал крупный лось-самец. Это была жизнь, не охраняемая ни таинственными огнями, ни летающим пламенем. Волкам были знакомы и раздвоенные копыта, и ветвистые, широкие рога, но они отбросили теперь свое обычное терпение и осторожность. Борьба была короткая, но жестокая. На лося напали со всех сторон. Он бил их рогами и разбивал им черепа сильными ударами копыт. Распарывал бока и давил, катаясь в снегу. Но участь его была предрешена, и он, наконец, упал. Волчица жадно впилась в его горло, а зубы других волков стали рвать его, когда он был еще жив и продолжал бороться.

Пищи оказалось вдоволь. Лось весил более восьмисот фунтов, и на каждую пасть досталось по двадцати фунтов мяса; в стае было около сорока волков.

Волки умели голодать, но не менее поразительно могли и есть, и вскоре от великолепного, полного сил животного остались лишь разбросанные там и сям обглоданные кости.

Теперь можно было отдохнуть и выспаться. Набив желудки, молодые самцы завели ссоры и драки между собою; эти ссоры продолжались все те немногие дни, пока стая не рассеялась. Голод на время кончился. Волки попали в страну, богатую дичью, и хотя они все еще охотились стаями, теперь они делали это с осторожностью, отбивая от небольших лосиных стад лишь беременных самок и больных самцов.

И вот в этой стране изобилия настал день, когда волчья стая разбилась на две, разошедшиеся в разные стороны. Волчица, молодой вожак, бежавший с ее левой стороны, и кривой старик, бежавший справа, повели свою часть стаи через реку Маккензи на восток, в страну озер. С каждым днем эта стая убывала в числе. Волки разбегались парами, самец с самкой. Иногда самца-одиночку выгоняли из стаи острые зубы противников. Наконец, осталось только четверо: волчица, молодой вожак, одноглазый старик и дерзкий трехлеток.

За это время волчица стала очень свирепой. Все три ее ухаживателя носили следы ее зубов, но сами никогда не отвечали ей тем же, никогда не защищались. Они лишь подставляли плечи для наиболее жестоких укусов и, виляя хвостом и семеня, пытались смирить ее гнев. Но если по отношению к ней они были воплощенной кротостью, то друг к другу проявляли крайнюю свирепость. Трехлетний волк стал чрезвычайно отважным в своей ярости. Он бросился на кривого с той стороны, где у того не было глаза, и в клочки разорвал ему ухо. Хотя седой старик видел лишь одним глазом, но против молодости и силы он имел многолетнюю мудрость и опытность. Вытекший глаз и рубцы на морде свидетельствовали о том, как приобрел он эту опытность. Он пережил слишком много поединков, чтобы позволить себе хоть на мгновение задуматься о том, что ему нужно делать.

Драка честно началась, но нечестно кончилась. Нельзя сказать, какой она имела бы исход, если бы третий волк не присоединился к старику и если бы они вдвоем не напали на дерзкого трехлетка, которого им и удалось прикончить. Клыки его прежних товарищей рвали его с обеих сторон. Были забыты дни, когда они вместе охотились, гонялись за добычей и вместе страдали

от голода. Все это было делом прошлого, теперь же о своих правах заявила любовь, всегда более жестокая и непреклонная, чем голод.

Между тем волчица, виновница драки, терпеливо сидела и наблюдала. Это был ее день. Нечасто случалось, когда шерсть у самцов поднималась щетиной, клыки ударялись о клыки, резали и рвали податливую кожу, и все из-за того, чтобы обладать ею. И трехлесток, который впервые испытал такое влечение, отдал жизнь за любовь.

Над его телом стояли соперники. Они не сводили жадных глаз с волчицы, улыбавшейся им, стоя на снегу. Но старый предводитель стаи был опытен, очень опытен как в делах любви, так и в делах битвы. Зализывая рану на плече, молодой вожак повернул голову загривом к сопернику. Своим единственным глазом старик увидел этот благоприятный случай. Стрелой он предательски кинулся на противника и полоснул клыками по горлу. Осталась длинная, глубокая рана, кровь хлынула из разорванной вены. Старик отскочил.

Молодой вожак страшно зарычал, но рычание постепенно перешло в судорожный кашель. Истекая кровью и кашляя, уже пораженный насмерть, он прыгнул на старика, но жизнь уже угасала в нем: ноги его подкосились, глаза затуманились, и последний прыжок был короток.

А волчица сидела и улыбалась. Она, по-видимому, была довольна зрелищем этой битвы, потому что это был тоже вид ухаживания в Северной пустыне, а трагедия была только для того, кто умер. Для того же, кто остался живым, это было торжеством, осуществлением желания.

Когда молодой вожак вытянулся на снегу, Одноглазый гордо направился к волчице. Его обхождение с нею было смесью торжества и осторожности. Он простодушно ждал сопротивления с ее стороны и так же откровенно удивился, когда она не оскалила на него зубы. Впервые волчица встретила его ласково. Она обнюхалась с ним и даже начала прыгать вокруг него, играя с ним, совсем как щенок.

А он, забыв свой почтенный возраст и мудрую опытность, вел себя так же игриво и даже еще более глупо. Побежденные соперники и кровью написанная на снегу повесть любви были забыты; раз только Одноглазый вспомнил о них, когда остановился на минуту, чтобы зализать свои раны. Тогда из его пасти вырвалось грозное рычание, шерсть на шее и на плечах поднялась дыбом, и лапы стали судорожно взрывать снежную поверхность, но в следующий момент все было забыто, и он уже бежал за волчицей, которая игриво манила его в лес.

А затем они бежали друг подле друга, как добрые друзья, пришедшие наконец к взаимному соглашению. Дни проходили, и они не расставались, вместе охотясь и деля добычу. Но некоторое время спустя волчица сделалась беспокойной. Она, казалось, искала что-то и не могла найти. Ее привлекали впадины под деревьями, и она проводила много времени, обнюхивая расселины в утесах, наполненные до краев снегом, и береговые пещеры.

Одноглазый не интересовался этими ее странностями, но послушно следовал за ней и, если ее поиски затягивались, ложился и терпеливо ждал ее возвращения.

Не оставаясь подолгу на одном месте, они блуждали, пока не вернулись к реке Маккензи; тогда они медленно направились вниз, следуя течению реки, забегая иногда для охоты на берега ее небольших притоков, но всегда неизменно возвращаясь к ней. Иногда они встречали других волков, обыкновенно парных; ни с той, ни с другой стороны не выказывалось ни дружелюбных отношений, ни радости встречи, ни желания снова собраться в стаю. Попадались им одинокие волки. Обычно это были самцы, настойчиво желавшие присоединиться к Одноглазому и его подруге. Одноглазый раздражался, и, стоя плечо к плечу с ним, волчица тоже щетинилась и скалила зубы; тогда навязчивый волк отступал, поджимал хвост и продолжал свой одинокий путь.

Раз лунной ночью, когда они пробегали по тихому лесу, одноглазый волк внезапно остановился. Его морда задралась, хвост замер в напряжении, ноздри расширились, нюхая воздух.

Одну лапу он даже поднял на манер собаки. Он тревожно втягивал воздух, силясь определить опасность, которую сулил непонятный запах.

Потянув носом, волчица уверенно побежала дальше, подбадривая старика. И хотя он последовал за нею, но все еще нерешительно. Волчица осторожно вышла на край широкого открытого пространства между деревьями. Несколько времени она оставалась там одна. Потом Одноглазый, ползя на брюхе, весь насторожившись, присоединился к ней. Они стояли рядом, наблюдая, прислушиваясь и принюхиваясь.

До их слуха донеслись звуки собачьей драки, гортанные крики мужчин, пронзительные голоса ругающихся женщин и плач детей.

Среди очертаний больших вигвамов, сделанных из кож, трудно было рассмотреть что-нибудь, кроме пламени костров, поминутно заслоняемого двигавшимися фигурами, да еще и дыма, медленно поднимавшегося в спокойном воздухе. Однако ноздри волков ловили тысячи запахов индейского лагеря, которые ничего не говорили Одноглазому, но были хорошо знакомы волчице. Ею овладело странное возбуждение, и она втягивала и втягивала ноздрями воздух все с большим наслаждением. Одноглазый сомневался, обнаруживал признаки страха и сделал попытку уйти. Волчица обернулась, ткнула мордой в его шею с целью ободрить его и снова стала смотреть на лагерь. Опять жадность засветилась в ее глазах, но это была не жадность голодного зверя. Она вся дрожала от желания пробраться в лагерь, поближе к огню, вмешаться в драку с собаками, побродить между людьми, увертываясь от их неосторожных ног.

Одноглазый нетерпеливо топтался около нее; но ее уже охватило прежнее беспокойство и настойчивое желание найти то, что она так упорно искала. Она повернулась и не спеша побежала в лес, к большому облегчению Одноглазого, который бежал впереди нее, пока они снова не очутились под защитой деревьев.

Скользя бесшумно, как тени в лунном свете, они напали на тропинку, протоптанную в снегу. Оба носа немедленно уткнулись в снег. Следы были свежие. Одноглазый осторожно побежал по ним вперед, его подруга не отставала, и вскоре оба неслись своей широкой, мягкой, как снег, побегой. Одноглазый рассмотрел что-то, смутно белеющее среди белого пространства. Его скользящая побегой была всегда невероятно быстра, но ничто не сравнилось бы с той быстротой, с какою он летел теперь. Он различал какой-то белый комок, прыгающий впереди и притягивающий его с необъяснимой силой.

Они бежали по узкой полянке, окаймленной по сторонам зарослью молодых елей. Сквозь деревья виднелся проход на прогалину, залитую лунным светом. Одноглазый быстро настигал спасающийся от него белый предмет. Он приближался прыжок за прыжком. Вот он уже настиг. Еще прыжок, и его зубы схватят добычу. Но прыжка не последовало. Прямо перед его глазами белый предмет взлетел высоко в воздух. Он оказался зайцем, который и носился в какой-то фантастической пляске над его головою, не падая на землю.

Отскочив назад, Одноглазый зафыркал в испуге, припал на снег и притаился, рыча на страшный и непонятный предмет. Но волчица хладнокровно прошла мимо него, с минуту примеривалась, прыгнула, и ее зубы щелкнули с металлическим звуком. Она прыгнула еще и еще. Одноглазый медленно приподнялся и наблюдал за нею. Теперь он выказывал неудовольствие, видя ее неудачу, и сам сделал сильный прыжок вверх. Он схватил зубами кролика и притянул его за собою к земле. И в ту же минуту над ним раздался оглушительный треск, и он с изумлением увидел наклоняющуюся молодую елку, готовую его ударить. Его челюсти разжались; он отскочил, чтобы избежать непонятной опасности; обнажил клыки, в горле его заклокотало рычание, шерсть встала дыбом от ярости и страха. В этот миг молодое деревце выпрямило свой гибкий ствол, и заяц снова подскочил и заплясал в воздухе.

Волчица рассвирепела. В наказание она впиалась клыками в плечо Одноглазого, а он, испуганный этим неожиданным нападением, яростно полоснул волчицу зубами по морде. Это стало неожиданностью для нее, и она в свою очередь, рыча от негодования, накинулась на

Одноглазого. Он понял свою ошибку и старался умиловить ее; но волчица продолжала кусать его; оставив попытки защититься, он только увертывался, пряча от нее голову и подставляя под укусы плечи.

Тем временем заяц все плясал в воздухе. Волчица села на снег, и Одноглазый, напуганный ею еще больше, чем таинственным деревцем, опять прыгнул за кроликом. И когда он опускался, держа кролика в зубах, он не сводил единственного глаза с елки. Как и прежде, деревце нагнулось вслед за ним до земли. Он съехал в ожидании неминуемого удара, оцетинился, но не выпускал из пасти зайца. Удара не последовало. Деревце оставалось согнутым над Одноглазым. Если двигался он, двигалось и оно, и тогда он ворчал на дерево сквозь сжатые зубы; если же он оставался неподвижным, оставалось спокойным и дерево, из чего он заключил, что безопаснее оставаться неподвижным. Однако теплая заячья кровь казалась ему очень вкусной.

Наконец волчица вывела его из затруднения. Она взяла у него зайца, и в то время, как деревце угрожающе качалось над ней, она спокойно отгрызла заячью голову. Деревце сразу выпрямилось и после этого более не пугало их, оставаясь в том положении, в котором природа указала ему расти. Тогда волчица и Одноглазый сожрали вместе добычу, которую таинственное деревце поймало для них.

Много было еще следов и прогалин, где зайцы висели в воздухе, и пара волков отыскиала их все, причем волчица указывала дорогу, а старый одноглазый волк следовал за ней, наблюдая и учась у нее, как обкрадывать западни. Это знание должно было впоследствии сослужить ему хорошую службу.

Глава 2 Логовище

Двое суток волчица и Одноглазый бродили около стоянки индейцев. Он беспокоился и трусил, но лагерь привлекал его подругу, и она не хотела уходить. Но, когда однажды утром раздался выстрел и пуля ударила о дерево в нескольких дюймах от Одноглазого, волки больше не колебались и большими прыжками быстро покинули опасное место. Все же за эти два дня путешествия далеко уйти им не удалось. Волчица все с большей настойчивостью продолжала свои поиски. Она очень отяжелела и не могла долго и быстро бежать. Однажды, преследуя зайца, которого раньше поймала бы очень легко, она упустила его и легла отдыхать.

Одноглазый подошел к ней; но, когда он слегка дотронулся мордой до ее шеи, она неожиданно набросилась на него с такой яростью, что он опрокинулся на спину и в этом смешном положении старался увернуться от ее зубов. Ее характер стал еще раздражительнее, волк же сделался еще терпеливее и заботливее.

Наконец волчица нашла то, что с таким упорством искала. Нашла в нескольких милях вверх по течению потока, который летом вливался в Маккензи, а теперь промерз до дна и представлял сплошной лед. Волчица тяжело тащилась позади Одноглазого, отстав на значительное расстояние, и здесь заметила обрывистый высокий глинистый берег. Она свернула в сторону. Весенние ливни и тающие снега подмыли берег, и в одном месте образовалась небольшая пещера.

Волчица остановилась у входа в пещеру и внимательно осмотрела склон. Затем она побежала то в одну, то в другую сторону вдоль берега, пока не нашла место, где обрыв значительно понижался. Вернувшись к пещере, она вползла в нее. Ей пришлось проползти около трех футов, затем стены пещеры расширились и стали выше, образуя небольшое закругленное пространство около шести футов в диаметре. Головой она почти касалась потолка, но в пещере было сухо и уютно. Она тщательно обследовала ее, в то время как вернувшийся Одноглазый стоял у входа и терпеливо наблюдал за ней. Опустив голову, она нюхала землю, затем повернулась на месте несколько раз и улеглась с усталым вздохом головой к входу. Заинтересованный

Одноглазый посмеивался над ее проделками, и волчице было видно, как он, загораживая собою свет, добродушно помахивал у входа хвостом. Она прижала уши, раскрыла пасть и высунула язык, выражая всем своим видом спокойствие и удовлетворение.

Одноглазому сильно хотелось есть. Он заснул у входа в пещеру, но сон его был тревожен. Он часто просыпался и прислушивался к окружающему миру, где снег ярко сверкал под лучами апрельского солнца. Сквозь дремоту он различал слабое журчание скрытых ручейков. Солнце снова появилось на небе, и вся пробуждающаяся природа Севера слала волку свой призыв. Жизнь возрождалась. В воздухе чувствовалось дыхание весны, дыхание пробуждающейся природы, поднимающихся в деревьях соков, почек, сбрасывающих оковы льда.

Одноглазый бросал беспокойные взгляды на свою подругу, но та не выказывала ни малейшего желания покинуть свое логовище. В воздухе пронеслось несколько снегирей. Волк было поднялся, но оглянулся на волчицу, снова улегся и задремал.

Пронзительное жужжание потревожило Одноглазого. Он сонно обмахнул несколько раз лапою морду и проснулся. Комар, жужжа, опустился на кончик его носа. Это был вполне взрослый представитель своего рода, пролежавший, ооченев, в трещине сухого дерева всю зиму и теперь оживший на солнце. Одноглазый не мог, наконец, противиться зову мира. Кроме того, ему сильно хотелось есть.

Он подполз к волчице с целью убедить ее подняться, но она зарычала на него, и он отправился один. От ярких лучей снег сделался рыхлым, и бежать по нему стало трудно. Одноглазый пошел по замерзшему ложу потока, где в тени деревьев снег был еще тверд. Пробуждаив часов восемь, он вернулся в сумерках к волчице еще более голодный, чем раньше. Он не раз видел дичь, но не мог поймать ее, проваливаясь в тающем снегу, в то время как зайцы легко скользили по нему.

У отверстия пещеры Одноглазый остановился в беспокойстве: оттуда доносились слабые странные звуки, как будто знакомые ему, но не похожие на голос волчицы. Он пополз осторожно внутрь, но был встречен угрожающим ворчанием. Он не особенно смутился, однако не решился ползти дальше, хотя новые звуки, слабые, похожие на заглушённое всхлипывание, все еще интересовали его.

Волчица опять сердито заворчала, и он, свернувшись, заснул у входа в пещеру. Когда настало утро и тусклый свет проник в логовище, он опять захотел узнать причину смутно знакомых звуков. Теперь в рычании волчицы была какая-то новая нота ревности, и ему пришлось держаться на почтительном расстоянии. Тем не менее ему удалось разглядеть под ее протянутыми лапами пять странных маленьких живых комков, слабых, беззащитных, слепых и издающих тихие жалобные звуки. Он был удивлен. Хотя не первый раз случалось это в его долгой, богатой событиями жизни, но всякий раз он удивлялся.

Его подруга смотрела на него с беспокойством, ворчала, а временами, когда ей казалось, что он приближался слишком близко, ее ворчание переходило в грозное рычание. Ей не приходилось убедиться на собственном опыте, что волки-самцы могут пожирать свое беззащитное потомство, но инстинкт, этот коллективный опыт всех матерей-волчиц, говорил ей, что такие вещи случаются. И страх заставлял ее не подпускать Одноглазого к волчатам.

Впрочем, опасности не было. Старый волк также чувствовал в себе волю инстинкта, перешедшего к нему от отцов. Он не мог объяснить его себе, но чувствовал каждой частицей своего тела и в силу этого внутреннего веления повернулся хвостом ко вновь рожденному потомству и отправился за пищей для него.

В пяти-шести милях от логовища поток разделялся на рукава, поворачивавшие под прямым углом к горам. Здесь, следуя по левому рукаву, Одноглазый напал на чей-то след, обнюхал его и нашел столь свежим, что он только посмотрел в ту сторону, где след исчезал, а сам благоразумно повернул обратно и пошел по правому рукаву. Следы были гораздо крупнее его собственных, и он знал, что там, куда они ведут, мало надежды на добычу.

Пройдя полмили, он чутко уловил, как чьи-то зубы грызут дерево. Он неслышно подкрался и увидел дикобраза, стоящего у дерева и грызущего кору. Одноглазый приближался осторожно, но без особой надежды. Он знал этих зверьков, хотя не встречал дикобразов так далеко на севере и никогда еще за всю свою долгую жизнь не пробовал их мяса. Но долголетний опыт научил его надеяться на благоприятный случай, а потому он продолжал двигаться к дикобразу. Ведь никогда нельзя сказать заранее, каков будет исход борьбы с живым существом.

Дикобраз свернулся в клубок, во все стороны растопырив длинные острые иглы, и нападение на него представлялось теперь делом немыслимым. В молодости Одноглазый однажды попробовал обнюхать такой же совершенно безобидный по виду клубок из игл и внезапно получил удар хвостом по носу. Одна игла застряла и оставалась торчать в его носу несколько недель, причиняя жгучую боль, пока не вышла из раны вместе с гноем. Поэтому Одноглазый лег, свернувшись в удобном положении и держа нос на приличном расстоянии от хвоста дикобраза, притаился и выжидал совершенно спокойно. Как знать? А вдруг дикобраз развернется, и тогда ловким ударом можно распороть нежное, не покрытое иглами тело. Но через полчаса Одноглазый поднялся, злобно зарычал на неподвижный клубок и потрусил дальше. Ему случилось и прежде ждать попусту при таких же обстоятельствах, а потому не хотелось зря тратить время. И он побежал дальше по правому рукаву потока. День приходил к концу, а охота не удавалась.

Проснувшийся инстинкт отцовства властно овладел им. Да, он должен найти пищу. К вечеру Одноглазый наткнулся на глухаря. Он вышел из чащи и очутился прямо перед глупой птицей. Она сидела на пне, не далее шага от его носа. Оба увидели друг друга. Птица хотела взлететь, но он ударом лапы сбил ее на снег, прыгнул к ней и поймал зубами, когда она бежала, пытаясь подняться в воздух. Как только его зубы вонзились в нежное мясо и хрупкие кости, он, естественно, начал есть птицу, но тут же вспомнил нечто и отправился к пещере, неся птицу в зубах.

Уже пробежав с милю своей бесшумной проворной побегой, он снова наткнулся на отпечаток лап, большие следы которых видел ранним утром. И так как следы шли его дорогою, он решил, что лучше идти по этим следам, чем на каком-либо повороте потока встретить того, кто оставлял их. Он только что высунул голову за угол утеса, откуда начинался спуск к потоку, как его глаз заприметил нечто, заставившее его проворно отползти назад. Это был тот, кто оставлял большие следы: огромная рысь-самка.

Она лежала там же, где раньше лежал и он, – перед свернутым в плотный клубок дикобразом. И если Одноглазый раньше был крадущейся тенью, то теперь он сделался, можно сказать, призраком этой тени, до того он весь припал к земле, и пополз, описывая круг с подветренной стороны, к безмолвной и неподвижной паре этих зверей.

Он залег в снег, положив глухаря подле себя, и сквозь иглы низкорослой сосны внимательно наблюдал за игрой жизни, происходившей перед его глазами: за выжидающей рысью и за выжидающим дикобразом, за каждым из них, борющимся за жизнь; смысл этой игры заключался для одного из участников в том, чтобы съесть, а для другого – в том, чтобы не быть съеденным. Между тем Одноглазый, лежа в снегу, тоже принимал участие в этой игре, ожидая от капризного случая, что он поможет добыть мясо, нужное ему, чтобы жить.

Прошло полчаса, прошел час, и ничего не происходило. Клубок из игл как бы окаменел, рысь казалась мраморным изваянием. Одноглазого можно было бы принять за мертвого. Однако все трое жили напряженной жизнью, и вряд ли кто из них когда-либо чувствовал себя более живым, чем теперь, при этой кажущейся окаменелости.

Но вот Одноглазый слегка подался вперед и стал всматриваться с возрастающей зоркостью. Что-то случилось. Дикобраз, наконец, решил, что его враг ушел. Медленно, осторожно начал он разворачивать свою непроницаемую броню. Медленно-медленно ошетилившийся иглами клубок расправлялся и растягивался. Одноглазому в роли наблюдателя приходилось

только облизываться при виде того, как невдалеке раскрывается живое мясо, точно готовое угощение. Не успел еще дикобраз вполне развернуться, как заметил врага. В это мгновение рысь ударила его. Удар был быстр, как молния. Лапа с острыми когтями, искривленными, точно у птицы, скользнула под нежный живот и разодрала его. Если бы дикобраз развернулся больше или если бы он не заметил врага за секунду до удара, лапа выскользнула бы без повреждения, но боковым ударом хвоста он успел вонзить свои иглы в лапу в тот миг, как она отдергивалась.

Все произошло одновременно: удар, ответный удар, предсмертный визг дикобраза, крик внезапной боли большой изумленной кошки. Одноглазый в возбуждении даже высунулся наполовину, насторожив уши и вытянув хвост. Рысь обезумела. Она дико прыгнула на зверя, причинившего ей такую боль. Но дикобраз, визжа и хрюкая, с разодранными внутренностями, старался свернуться в свой защитный клубок и снова ударил ее хвостом, и снова большая кошка взвыла от боли и изумления. Она стала отступать, фыркая и чихая; ее нос был утыкан иглами, как подушка для булавок. Она терла нос лапой, пытаясь сбросить жгучие, как огонь, занозы, совала его в снег, терла о ветки и от безумной боли и страха непрерывно металась взад, вперед и в стороны.

Она не переставая чихала и судорожно дергала своим коротким хвостом. Но вот ее метания приостановились, и на минуту она утихла. Одноглазый следил за ней. И даже он вздрогнул от страха, и шерсть на его спине поднялась дыбом, когда рысь вдруг взвилась высоко в воздух и испустила долгий и мучительный вой. Затем она умчалась, завывая и подняв вверх хвост. И не раньше, чем вдали смолк ее визг, Одноглазый осмелился выйти из засады. Он шел так осторожно, как будто под ним был не снег, а ковер из игл дикобраза, готовых пронзить его мягкие лапы. Дикобраз встретил его, яростно визжа и оскаливая длинные зубы. И хотя ему опять удалось свернуться, это был уже не прежний плотный клубок, потому что его мускулы были порваны, он был почти наполовину разодран и истекал кровью.

Одноглазый хватал пастью пропитанный кровью снег, лизал, жевал, проглатывал его. Это было вкусно, но голод его усилился нестерпимо. Однако не напрасно он долго пожил на свете: он не забывал об осторожности. Вот почему он не торопился. Он улегся и ждал, а дикобраз скалил зубы и визжал, всхлипывая и хрюкая. Одноглазый заметил, что мало-помалу иглы дикобраза опускались ниже и ниже, а тело билось в мелкой дрожи. Затем дрожь внезапно прекратилась, и раздался последний скрежет длинных зубов. Иглы опустились, тело развернулось, обмякло и больше не двигалось.

Нервно и боязливо Одноглазый лапой растянул дикобраза во всю длину и перевернул на спину. Ничего не произошло: дикобраз был мертв. После внимательного осмотра Одноглазый взял его с большими предосторожностями в зубы и, отчасти неся, отчасти волоча по земле, побежал к потоку, отвернув в сторону голову, чтобы не уколоться об иглы. Вдруг, вспомнив что-то, он бросил ношу и помчался обратно к месту, где оставил глухаря. Теперь он ни минуты не колебался. Он знал, что надо сделать, и он это сделал – он быстро съел птицу. Затем вернулся и поднял свою ношу.

Когда он втащил свою добычу в пещеру, волчица осмотрела ее, повернула к нему морду и слегка лизнула его в шею. Но уже в следующий момент она зарычала, отгоняя его от волчат. На этот раз ее ворчание не было так сурово, как прежде, а выражало скорее извинение, чем угрозу. Инстинктивный страх перед отцом ее потомства прошел. Одноглазый вел себя, как подобает волку-отцу, и не выказывал преступного желания пожрать маленьких существ, произведенных ею на свет.

Глава 3

Серый волчонок

Он не походил на своих братьев и сестер. Шерсть тех уже принимала красноватый оттенок, унаследованный ими от матери-волчицы; он же был единственным, похожим мастью на отца. Во всем выводке только он был серым волчонком. Он родился настоящим, заправским волком, походя во всем на старого Одноглазого, с той лишь разницей, что у него было два глаза, а не один.

Глаза серого волчонка только недавно открылись, но он уже видел ими чрезвычайно зорко. А в то время, когда глаза были еще закрыты, он пользовался другими своими чувствами: осязанием, вкусом, обонянием. Он хорошо знал двух своих братьев и двух сестер. Он уже понимал с ними слабую, неуклюжую возню, иногда кончавшуюся дракой, причем его маленькое горло издавало забавные хриплые звуки (предвестники рычания), когда он начинал злиться. Задолго до того, как открылись его глаза, он научился узнавать по прикосновениям, вкусу и запаху свою мать – источник тепла, пищи и нежности. Когда она мягким, ласкающим языком проводила по маленькому, нежному телу волчонка, это успокаивало его, заставляло тесно прижиматься к ней и усыпляло.

Первый месяц своей жизни он провел в таком сне, но теперь он хорошо видел, подолгу не спал и отлично изучил свой мир. Мир его был мрачен, но он не знал этого, так как не видел иного. Мир был полутемен, но глаза его не были приспособлены к другому свету; мир был тесен и ограничивался стенами логовища, но волчонок не имел никакого понятия о широком внешнем мире, и его не удручали тесные рамки.

Впрочем, он скоро обнаружил, что одна из стен его мира не походила на другие. Там был вход в пещеру, оттуда шел свет. Он сделал это открытие задолго до того, как у него явилась первая мысль, первое сознательное желание. Прежде чем у него прорезались глаза, стена уже неотразимо притягивала его. Свет оттуда бил в сомкнутые веки, и его зрительные нервы ощущали странно приятный трепет от искрящегося теплого сверкания. Как химический состав растений заставляет их тянуться к солнцу, так и тело волчонка, каждая его клеточка, вся та жизнь, что составляла главную сущность его организма, помимо его воли стремилось к этому свету.

Еще прежде чем в нем затеплилось сознание, он постоянно подползал к отверстию пещеры, так же, как его братья и сестры, и никто из них в этот период не приближался к темным углам задней стены. Свет, который был нужен для химического процесса их жизни, привлекал, как будто они были растениями, и их маленькие бессмысленные тела ползли к нему слепо и невольно, как побеги винограда. Впоследствии, когда в каждом из них развилась индивидуальность и их побуждения сделались сознательными, притягивающая сила света увеличилась. Волчата постоянно ползли по направлению к свету, и матери приходилось отгаскивать их назад. Таким образом, волчонок узнал и другие особенности своей матери, помимо нежного, лижущего языка. В своих настойчивых попытках уползть от нее по направлению к свету он узнал, что у матери есть нос, который резким толчком может придавливать к земле и перекатывать быстрыми и последовательными ударами в темный угол пещеры. Таким образом, он узнал боль, а в заключение научился избегать ее, во-первых, не рискуя навлекать на себя наказание, а во-вторых, увертываясь от ударов и отползая. Это были уже сознательные поступки, явившиеся результатом первых обобщенных сведений о мире. Раньше он отстранялся от боли невольно, как невольно, например, полз по направлению к свету, потом стал отстраняться сознательно, потому что уже познал боль.

Он был свирепым волчонком, такими же были его братья и сестры. Но этого и следовало ожидать, потому что он был хищником и происходил из рода хищников, питающихся мясом.

Его отец и мать питались только мясом; молоко, которое он сосал с первого же дня жизни, перерабатывалось из мяса, и теперь, когда ему исполнился месяц и уже с неделю как открылись глаза, он сам стал есть мясо, наполовину переваренное его матерью и отрыгиваемое через глотку для пяти подрастающих волчат, так как молока у нее не хватало.

Из всего выводка он становился самым свирепым и мог рычать громче и злее прочих, а припадки его детской ярости казались страшнее, чем у других волчат. Он первый научился опрокидывать ударом лапы братьев и сестер и первый же схватил зубами за ухо другого волчонка и оттрепал его, рыча сквозь крепко стиснутые челюсти. И уж конечно он более всех причинял беспокойства матери, удерживавшей свой выводок, когда они ползли к выходу из пещеры.

Очарование светом у серого волчонка усиливалось с каждым днем. Он беспрестанно пускался в свои странствования к отверстию пещеры, и беспрестанно его оттаскивали назад. Он еще ничего не знал о входах и переходах, которыми можно перебираться из одного места в другое. Он вообще ничего не знал о существовании других мест и не подозревал о способе проникать в пещеру. Вход в темную пещеру пока еще был для него тоже стеной – стеной из света. Чем солнце было для живущих вне пещеры, тем для него была эта светлая стена; она привлекала к себе волчонка, как свеча привлекает бабочку. Он все время пытался добраться до нее. Жизнь, быстро развивавшаяся в нем, постоянно влекла его к стене света. Жизнь, которая была внутри него, знала, что это единственный выход, предназначенный ему. Но сам он ничего не знал об этом, как не знал и того, есть ли что-либо снаружи.

Было одно странное свойство у этой стены. Его отец (волчонок уже научился узнавать отца, как другого обитателя пещеры, похожего на его мать, спавшего вблизи светлой стены и приносившего пищу) входил прямо в белую далекую стену и исчезал. Серый волчонок не мог понять этого. Хотя мать никогда не позволяла ему приближаться к этой стене, он подползал к другим стенам и наталкивался на твердое препятствие кончиком нежного носа. Это причиняло боль. И после нескольких таких приключений он оставил стены в покое. Не думая об этом, он принял исчезновение в светлой стене за особенность отца, как молоко и наполовину пережеванная пища были особенностями его матери. В действительности волчонок не умел думать – по крайней мере способом, обычным для людей. Его мозг работал как бы во тьме. Однако заключения его были не менее ясны, чем заключения, выведенные людьми. Он принимал вещи как они есть, не спрашивая почему и для чего. В сущности, он применял приемы классификации. Его никогда не смущало, почему случается что-либо, было достаточно видеть, как оно случается. Когда он ударился несколько раз носом о стену, он принял это за невозможность для себя исчезать в ней. В то же время он допускал, что его отец обладает этой способностью, но у него не возникало желания найти причину такого различия между отцом и им самим. Логика и физика не принимали участия в формировании его мышления.

Как и большая часть обитателей пустыни, он рано испытал голод. Наступили дни, когда не только кончился запас мяса, но не стало и молока в сосцах матери. Сначала волчата стонали и скулили, потом большей частью спали, а затем впали в голодное оцепенение. Уже не было ни возни, ни рычания; прекратились и попытки добраться до белой стены. Волчата спали, жизнь в них угасала, они умирали.

Одноглазый был в отчаянии. Он рыскал всюду, мало спал, стал мрачен и беспокоен. Волчица также оставляла выводок и уходила на добычу. В первые дни после рождения волчат Одноглазый навещал лагерь индейцев и обкрадывал силки с кроликами, но едва снег стаял и потоки вскрылись, индейский лагерь снялся, и источник запасов иссяк.

Когда серый волчонок вернулся к жизни и опять проявил интерес к дальней белой стене, он нашел население своего мира сильно сократившимся. Осталась только сестра. Остальные пропали. Окрепнув, он вынужден был играть в одиночестве, так как сестра не поднимала более головы и не двигалась. Его маленькое тело округлялось от мяса, которое он ел, но для его

сестры пища пришла слишком поздно. Она спала без просыпа, кожа на ее костях повисла складками, искра ее жизни мерцала слабее и слабее и наконец погасла.

Пришло время, когда серый волчонок уже не видел больше, как отец появляется и исчезает в стене из света, как лежит он спящий у входа. Случилось это в конце второй, менее жестокой голодовки. Волчица знала, почему Одноглазый никогда уже не вернется, но не могла рассказать серому волчонку о том, что она видела. Охотясь на левом притоке реки, где жила рысь, она пошла по старому следу Одноглазого и нашла его самого или, вернее, то, что осталось от него. Там виднелось много признаков происшедшей битвы и возвращения рыси в свое логовище после одержанной победы. Прежде чем уйти обратно, волчица нашла это логовище, но некоторые признаки указывали на то, что рысь была в нем, и волчица не рискнула туда сунуться.

После этого она избегала охотиться на левом притоке: она знала, что в логовище рыси был выводок и что сама рысь – свирепое создание и страшный противник. Легко, конечно, полудюжине волков загонять израненную, ошетилившуюся рысь на дерево, но совсем иное дело схватиться с нею один на один, особенно когда знаешь, что у рыси в логовище выводок голодных детенышей.

Но Северная пустыня есть Северная пустыня, и материнство есть материнство, всегда проявляющееся как в пустыне, так и вне ее; и должно было настать время, когда волчице ради своего серого волчонка пришлось решиться пойти по левому протоку, к логовищу рыси, несмотря на ее силу и ярость.

Глава 4 Стена мира

Когда мать начала покидать свою берлогу для охоты, волчонок уже хорошо усвоил закон, запрещающий приближаться к выходу из пещеры. Этот закон энергично и много раз внушала ему мать при помощи носа и лапы, к тому же и в нем самом уже развился инстинкт страха.

За время своей короткой жизни в пещере ему ни разу не представлялось случая чего-нибудь испугаться. И все же страх жил в нем, перейдя к нему от отдаленных предков через тысячу тысяч жизней. Волчонок получил его как прямое наследство от Одноглазого и от волчицы; им же в свою очередь страх достался от всего поколения волков, живших до них. Страх! Ни одно животное не может ни избежать этого наследства пустыни, ни отделаться от него.

Итак, серый волчонок знал страх, но не понимал его сущности. Возможно, что он воспринимал его как существование ограничения жизни, потому что уже узнал, что такие ограничения бывают. Он испытал голод, а когда он не мог утолять его, он чувствовал такое ограничение. Жестокая преграждающая стена, резкие толчки, получаемые от матери, отбрасывающие его удары ее лапы, многократно неутоленный голод уже внушили ему, что в жизни далеко не все позволено, что бывают ограничения и препятствия, которые и есть законы; а повинаясь этим законам, можно избежать боли и добиться чувства довольства.

Конечно, его способ размышления над этим был иной, чем у людей. Он лишь различал, что в этом мире причиняет ему боль и что не причиняет боли. И, руководствуясь таким различием, избегал предметов и действий, причиняющих боль, чтобы наслаждаться тем счастьем, которое дает жизнь.

Таким образом, повинаясь закону, внушенному матерью, и тому неведомому безымянному закону, который он воспринимал как страх, он не приближался к выходу из пещеры. Но белая, светлая стена привлекала его внимание. Когда мать уходила, он большую часть времени спал, а в промежутках, бодрствуя, оставался спокойным, подавляя в себе жалобное повизгивание, рвущееся из горла.

Однажды, проснувшись, он услышал странный шорох за белой стеной. Он не знал, что это была росوماха, которая стояла у входа, вся трепеща от собственной смелости и стараясь осторожно, чутьем, определить, кто прячется в пещере. Волчонок понял только по чужому запаху, что там находится нечто неопределенное, а следовательно, неизвестное и страшное, потому что неизвестность есть один из главных элементов страха.

Шерсть на спине волчонка стала дыбом, но он не издал ни звука. Почему он ошетинился? Это вышло непроизвольно и было видимым выражением страха, для выявления которого еще не было случая в его жизни. Но страх сопровождался еще одним инстинктивным поступком – самозащитой. Волчонок был охвачен безумием ужаса, но лежал без движения и без звука, застыв и окаменев, точно мертвый. Возвратившаяся мать зарычала, почуяв след росوماхи, вскочила в пещеру и стала лизать и ласкать его с выражением горячей любви. И волчонок почувствовал, что он избежал большой опасности.

Но в волчонке действовали и другие силы, главнейшей из которых был рост. Инстинкт и закон требовали от него повиновения, но рост внушал непослушание. Мать и страх заставляли держаться вдали от белой стены. Но рост есть жизнь, а назначение жизни – стремиться к свету. И нельзя было задержать прилива жизни, поднимавшегося в нем с каждым проглоченным куском, с каждым вдохом и выдохом. Наконец, напор жизни восторжествовал над страхом и послушанием, и волчонок, распластавшись по земле, пополз к выходу.

Не похожая на другие стены, с которыми он уже ознакомился, эта стена, казалось, отступала от него по мере того, как он двигался вперед.

Он не ударился своим нежным носом, испытующе поднятым кверху, ни о какую твердую поверхность. То, из чего стена состояла, казалось, было проницаемым и не оказывало сопротивления так же, как свет. И так как состав предметов в его глазах сливался с их наружным видом, то он вошел, казалось ему, в то, что для него было стеною, погрузился в составлявшее ее вещество.

Это сбивало с толку. Он вполз в плотную массу, а свет становился все ярче. Страх побуждал отступить, а рост гнал вперед. Внезапно он очутился у края пещеры, и стена, внутри которой, как ему казалось, он находился, вдруг отпрыгнула от него на неизмеримое расстояние. Свет сделался мучительно ярким и ослепил его, а неожиданно раздвинувшееся огромное пространство просто ошеломило. Но глаза его постепенно приноровились и к яркому свету, и к увеличившемуся расстоянию, на котором находились предметы. Во-первых, он снова увидел отступившую стену, но уже вдалеке; во-вторых, вся ее наружность изменилась. Это была многоцветная и сложная стена, составленная из деревьев, окаймлявших ручей, из противоположной горы, возвышавшейся над деревьями, и из неба, которое было еще выше горы.

На волчонка напал страх, потому что все это было страшное и неизвестное. Он припал к земле на краю пещеры и пристально смотрел на открывшийся мир. Так как все было неизвестным, то казалось враждебным. Шерсть на его спине встала дыбом, и рычание пыталось вырваться из его горла. Бессильный и испуганный, он бросал вызов и грозил всему обширному миру.

Но все обошлось благополучно. Он продолжал смотреть и от любопытства забыл, что надо рычать. Забыл даже свой испуг. На время страх уступил место любопытству. Волчонок начал различать близкие предметы, открытую часть ручья, сверкавшего на солнце, засохшую сосну, которая стояла у основания откоса, поднимавшегося прямо к нему и оканчивавшегося в двух шагах ниже края пещеры, куда он приполз.

До сих пор серый волчонок жил на ровной поверхности. Он еще не испытывал боли от падения, да и не знал, что такое падение. Поэтому он смело шагнул в воздух. Его задние ноги оставались на краю пещеры, и он упал головою вниз. Земля встретила его жестоким ударом по носу, что заставило волчонка взвизгнуть. Затем он покатился по откосу все быстрее и быстрее. Панический ужас овладел им. Неизвестное наконец захватило его в свою власть и готовилось

сделать с ним что-то страшное. Рост был побежден страхом, и волчонок заскулил, как перепуганный щенок.

Неизвестное и страшное окружило его, и он скулил не переставая. Это было куда хуже, чем когда он лежал в пещере, замирая от страха, а неизвестное собиралось напасть на него издали. Теперь оно завладело им, и молчать было бесполезно. Кроме того, теперь им владел уже не страх, а настоящий ужас. Но склон становился более отлогим, и у его подножия росла трава. Скорость падения уменьшилась, и наконец волчонок перестал катиться вниз. Он издал последний судорожный всхлип, перешедший в продолжительный жалобный плач. А затем, как будто это было делом привычным, как будто ему уже тысячу раз приходилось заботиться о своем туалете, принялся слизывать прилипшую к шерстке сухую глину.

Затем он сел и начал осматриваться, как сделал бы это человек, впервые очутившийся на Марсе.

Волчонок пробился сквозь стену, загораживавшую мир, неизвестное отпустило его, и он был невредим. Но первый человек на Марсе оказался бы больше подготовленным к неожиданностям, чем он. Без какого-либо предварительного знания, без малейшего предупреждения волчонок очутился в роли исследователя совершенно нового мира.

Теперь, когда ужасное неизвестное выпустило его, он позабыл о всех ужасах. Он чувствовал лишь крайнее любопытство ко всему, что его окружало. Он осмотрел траву под собою; бруснику, растущую немного дальше; омертвелый ствол засохшей сосны, стоявшей на краю открытого пространства между деревьями. Белка, шнырявшая вокруг ствола, подбежала к нему вплотную и страшно его напугала. Он припал к земле и зарычал. Но и сама белка перепугалась. Она быстро взобралась на вершину дерева и сердито запищала на него оттуда.

Это придало волчонку храбрости, и хотя зеленый дятел, следующий, кого он встретил, снова перепугал его, он тем не менее решительно отправился в путь.

Дерзость его настолько возросла, что, когда еще какая-то птица нагло подпрыгнула к нему, волчонок игриво протянул вперед лапу, результатом чего был сильный удар клювом по кончику носа, вызвавший визг. Этот визг заставил птицу упорхнуть прочь.

Волчонок учился. Его слабый ум уже сделал бессознательный вывод, что в мире есть предметы живые и неживые. К живым предметам надо относиться осторожно. Неживые всегда остаются на одном месте, но живые движутся, и нельзя знать заранее, на что они способны. От них надо ожидать всяких неожиданностей.

Он шел очень неуклюже, поминутно на что-нибудь натываясь. Ветка, которая казалась находящейся далеко, в следующий миг била его по носу или царапала бок. Земля была неровная, он часто спотыкался, тыкаясь носом; лапы его цеплялись за корни. Попадались камни, которые переворачивались, когда он наступал на них, и он узнал, что и неживые предметы не всегда находятся в состоянии равновесия, как в его пещере; кроме того, оказалось, что маленькие неживые предметы более способны падать и переворачиваться, чем большие. Но каждая ошибка учила его. Чем дальше он шел, тем лучше у него получалось. Он приспособливался, учился рассчитывать свои движения, определять предел своих физических сил и измерять расстояние между предметами, а также между ними и собою.

Новичкам всегда везет. Рожденный, чтобы стать охотником (хотя он об этом и не знал), он поступил опрометчиво, забыв о пище при первом своем вторжении в мир. Лишь по слепой случайности ему посчастливилось напасть на искусно скрытое гнездо глухаря. Он свалился в него. Он попробовал пройти по упавшей сосне; гнилая кора не выдержала его тяжести, и с отчаянным визгом он сорвался с круглого ствола, пролетел сквозь листву и ветки небольшого куста и очутился между семью птенцами глухаря.

Они запищали и сначала испугали его. Затем он увидел, что они очень малы, и стал смелее. Они двигались. Он наступил на одного лапой, и тот задвигался быстрее, чем доставил волчонку удовольствие. Волчонок обнюхал его и взял в рот. Птенец бился и щекотал ему язык;

волчонок почувствовал голод. Его челюсти сомкнулись. Послышался треск хрупких костей, и теплая кровь закапала из пасти. Было вкусно. Он понял, что это такое же мясо, какое давала ему мать, но только живое и, следовательно, лучше. Таким образом он съел маленького глухаря, но не остановился на этом, а сожрал весь выводок. Потом облизнулся точно так же, как это делала его мать, и начал выбираться из куста.

Но тут на него налетел крылатый вихрь, и он был приведен в замешательство, ослепленный стремительным натиском и яростными ударами крыльев. Он спрятал голову между лапами и завизжал. Удары усилились. Самка глухаря была в ярости. Но разозлился и волчонок. Он поднялся, рыча и отбиваясь лапами, запустил свои крошечные зубы в крыло птицы и решительно тащил и дергал его. Глухарь отчаянно отбивался, нанося ему удары свободным крылом. Это была первая битва волчонка. Он ликовал. Забыв о неизвестном и уже не боясь ничего, он дрался и рвал живое существо, которое било его. Притом живое существо было мясом. Жажда убивать охватила волчонка, только что уничтожившего несколько маленьких дивных существ. Теперь он должен уничтожить и большое живое существо. Он был увлечен борьбой и счастлив, хотя и не знал о том, что счастлив. Он дрожал от возбуждения, которого до сих пор ему не приходилось испытывать.

С рычанием держал он птицу. Она вытащила его из куста. Когда же она повернулась и попыталась затащить его обратно, он выволок ее на открытое место. Она кричала и била его крылом, а ее перья разлетались по воздуху. Волчонок разъярился. Воинственная кровь предков поднялась и бурлила в нем. В нем кипела жизнь, хотя он этого не знал. Он выполнял свое назначение в мире, делая то, для чего был создан, то есть убийством добывал пищу и сражался из-за этого. Он оправдывал свое существование, осуществляя высшее назначение жизни, потому что жизнь достигает своих вершин, когда с наибольшей энергией выполняет то, что призвана выполнять.

Через некоторое время птица перестала бороться, но волчонок все еще держал ее за крыло, и они оба лежали на земле и смотрели друг на друга. Волчонок попробовал зарычать угрожающе и свирепо, птица клюнула его в нос, который сильно болел после предыдущих событий. Волчонок попятился, но не выпустил крыла. А она клюнула его еще и еще раз. Он завизжал от боли и попытался увернуться, забывая, что, держа ее, он тащит ее за собою. Дождь ударов посыпался на его ноющий от боли нос, и воинственный пыл угас в нем. Бросив добычу, с поджатым хвостом, он со всех ног пустился в бесславное бегство.

Он лег отдохнуть на другой стороне поляны, около кустов, с высунутым языком, с поднимающимися и опускающимися боками, с ноющим от боли носом, что заставляло его повизгивать. Но внезапно он почувствовал, что ему угрожает что-то страшное. Неизвестное со всеми своими ужасами устремилось на него, и он инстинктивно отпрянул под защиту куста. Едва он сделал это, как на него порывисто пахнуло ветром и большое крылатое тело зловеще мелькнуло и удалилось. Ястреб, ринувшийся на него сверху, промахнулся.

Пока волчонок лежал под кустом, приходя в себя от страха, и уже начал боязливо выглядывать, самка глухаря на другой стороне поляны суежилась у разоренного гнезда. Горечь утраты была причиной того, что она не заметила крылатого хищника. Но волчонок наблюдал – и это было предостережением и уроком для него – быстрое падение ястреба, взмах крыльями над самой землей, удар когтей, мучительный, смертельный крик глухаря и полет ястреба, уносившего свою добычу.

Долго оставался волчонок в своем убежище. Он научился многому. Живые существа – это мясо, которое так хорошо есть. Но живые существа, если они достаточно велики, сами могут причинить ему вред. Лучше есть маленьких, вроде цыплят глухаря, оставляя в покое больших, как глухарка. И все же он чувствовал, что самолюбие его пострадало. Ему хотелось еще раз сразиться с самкой глухаря (жаль, что ее унес ястреб). Но, может быть, найдутся другие? Надо пойти и поискать.

Волчонок спустился по отлогому берегу к ручью. Он еще не видел воды. Вот хорошее место для ходьбы! Поверхность совсем ровная. Он храбро ступил на нее и, визжа от страха, пошел вниз, прямо в объятия неизвестного. Было холодно, у него перехватило дыхание. Вода попала ему в легкие вместо воздуха, которым он привык дышать. Удушье, похожее на предсмертную тоску, стиснуло горло, и он принял это за самую смерть. У него не было никакого сознательного представления о смерти, но, подобно всякому животному Севера, он инстинктивно боялся ее. Она казалась ему самой большой болью, главной сущностью неизвестного, суммой всех ужасов, высшей и невообразимой катастрофой, какая когда-либо может случиться с ним, катастрофой, о которой он ничего не знал, но которой боялся.

Он всплыл на поверхность, и сладкий воздух проник в раскрытую пасть. На этот раз он не скрылся под водой. Совершенно так, как будто это было для него давно привычным делом, он стал бить всеми лапами и поплыл. Берег находился от него всего на расстоянии ярда, но он вынырнул к нему спиной, его глаза остановились на противоположном берегу, туда он и поплыл. Ручей был узким, но в этом месте расширялся на двадцать футов.

На середине течение подхватило волчонка и понесло вниз, прямо к небольшому водопаду; здесь уже было нельзя плыть. Спокойная вода вдруг забурлила, и волчонок то скрывался под водою, то оказывался на поверхности. Его вертело вверх и вниз, вправо и влево, ударяя о камни. И при каждом ударе он взвизгивал. Движение его сопровождалось рядом взвизгов, и по ним можно было бы сосчитать число камней, о которые он ударялся.

Ниже порогов его подхватило течением, тихонько отнесло к берегу и нежно положило на ложе из гравия. Он поспешно выкарабкался из воды и лег. Теперь он узнал еще больше о мире. Вода не была живая, но двигалась! Кроме того, она казалась плотной, как земля, но плотности в ней не было. Отсюда он вывел заключение, что вещи не всегда таковы, какими кажутся. Страх перед неизвестным, бывший у волчонка наследственным недоверием к окружающему миру, теперь, благодаря опыту, усилился. С этих пор он не станет доверять внешней видимости вещей. Прежде чем отнестись к предмету доверчиво, он сначала узнает его настоящие свойства.

И еще одно приключение суждено было испытать ему в этот день. Он вспомнил, что на свете существует его мать. И им овладело такое чувство, что она нужна ему более, чем все остальное на свете.

Его маленькое, утомленное всеми происшествиями тело изнемогало; равно изнемог и его крохотный мозг. За все прошлые дни он не пережил столько, сколько сегодня. К тому же ему сильно хотелось спать. Итак, он отправился на поиски пещеры и матери, испытывая в то же время гнетущее состояние одиночества и беспомощности.

Он пробирался сквозь кустарник, когда услышал резкий свирепый крик, и что-то желтое мелькнуло перед его глазами. Он увидел метнувшуюся под куст ласку. Она была маленькая – и он не испугался. Затем у самых своих ног он увидел другого маленького зверька, всего в несколько дюймов длиной – крохотного детеныша ласки, который рискнул непослушно, как он сам, уйти из дома. Детеныш пытался убежать, но волчонок перевернул его лапой. Детеныш издал забавный резкий крик. В следующий момент перед глазами волчонка снова мелькнуло что-то желтое, снова послышался крик, и в тот же миг он получил сильный удар по голове, и острые зубы матери-ласки впились в его шею.

Пока он пытался, визжа и плача, ласка прыгнула к своему детенышу и исчезла вместе с ним в ближайшем кустарнике. Боль от укуса еще не прошла, но боль от обиды была сильнее. Зверек был такой маленький и такой свирепый! Волчонку еще предстояло узнать, что маленькая ласка – самый жестокий, самый мстительный и ужасный хищник Северной пустыни.

Он еще не перестал скулить, когда ласка появилась опять. Она не бросилась на него сразу, так как ее детенышу уже не грозила опасность, а приближалась осторожно. Волчонку пред-

ставился случай рассмотреть ее худое, змеевидное тельце и поднятую змеевидную головку. С резким, угрожающим криком она подходила все ближе и ближе.

Быстрее, чем он мог уследить своим неопытным взглядом, последовал прыжок, и худое желтое тело на миг исчезло из поля его зрения. В следующий момент она уже впилась в его горло, глубоко прокусив шкуру.

Сначала он пробовал отбиваться, но он был слишком мал и неопытен и скоро должен был отказаться от борьбы. Рычание его превратилось в жалобный вой, а желание драться – в стремление бежать. Но ласка не отпускала его. Она висела на нем, стараясь добраться острыми зубами до большой артерии, где вместе с кровью пульсировала его жизнь.

Жизнь волчонка должна была закончиться, и о нем нельзя было бы написать никакого рассказа, если бы в этот момент не выскочила из кустов волчица. Ласка оставила волчонка и стрелой метнулась к горлу волчицы, но, промахнувшись, вцепилась ей в челюсть. Волчица взмахнула головой, как бичом, и подкинула ласку высоко в воздух. Ее челюсти на лету схватили гибкое желтое тело, и ласка нашла смерть, хрустя на ее зубах.

Волчонок испытал новый прилив нежности со стороны матери. Найдя его, она, казалось, радовалась даже больше, чем он. Она обнюхивала и ласкала его, зализывала его ранки, оставленные острыми зубами ласки. Затем мать с волчонком, разделив тело кровопийцы, съели ее, вернулись в пещеру и уснули.

Глава 5

Закон добычи

Развитие волчонка шло быстро. Он отдыхал два дня, а затем отважился опять уйти путешествовать. Во время этого похода он нашел молодую ласку, мать которой была съедена с его помощью; с молодой лаской произошло теперь то же, что с ее матерью. На этой прогулке он не заблудился. Утомившись, он нашел дорогу обратно к пещере и лег спать. После этого он каждый день уходил и бродил все дальше и дальше.

Он начал вернее оценивать свою силу и слабость, чтобы знать, когда надо быть смелым, когда осторожным. Он пришел к заключению, что осторожным следует быть всегда, и держался этого правила, за исключением тех редких моментов, когда, уверенный в своих силах, предавался взрывам ярости и алчности.

Он походил на разъяренного бесенка при встрече с заблудившимся глухарем и никогда не оставлял без свирепого рычания болтовни белки, впервые замеченной им у сухой сосны. В то же время вид птички, ответившей в день его выхода в мир ударом клюва на его любопытство, приводил его в бешенство.

Но бывали минуты, когда даже эта птичка не производила на него никакого впечатления, это случалось, когда он чувствовал приближение опасности от других ищущих добычи хищников. Он никогда не забывал ястреба, движущаяся тень которого заставляла его заползать в густой кустарник. Он больше не переваливался с боку на бок и уже перенял от своей матери воровскую, скользкую походку, обманчивая быстрота которой была незаметна для глаза.

Что касается охоты, то удача сопровождала его лишь вначале. Семь цыплят-глухарей да малютка-ласка – вот и вся его добыча. Но желание убивать росло в нем с каждым днем, и он лелеял честолобивые планы добраться до белки, всегда извещавшей своей трескотней обитателей леса о приближении волчонка. Однако птицы летают по воздуху, белка прыгает по деревьям, и к ним можно подкрасться незаметно лишь тогда, когда они бывают на земле.

Волчонок питал глубокое уважение к матери. Она умела добывать пищу и никогда не забывала приносить его долю. Кроме того, она была бесстрашна, а ему еще не приходило в голову, что это бесстрашие дается лишь опытом и знанием; он считал бесстрашие выражением силы. И чем старше он становился, тем больше чувствовал эту силу в ударах ее лап, в то время

как толчки носом сменились ударами клыков. Это тоже внушало уважение. Она требовала от него повиновения, и чем старше он становился, тем суровее делался ее нрав.

Опять наступило голодное время, и волчонок уже вполне сознательно испытывал муки голода. Волчица отошала в поисках добычи. Она редко спала в пещере, проводя время на охоте, но все было напрасно. Голод продолжался недолго, но был жесток. Волчонок не находил молока в сосках матери, а мяса ему давно уже не перепало.

Раньше он охотился для забавы, теперь же принялся за дело по необходимости, борясь со смертью, но ему не везло. Неудачи ускорили его развитие. Он тщательно изучил привычки белки и старался подкрасться к ней, чтобы поймать ее. Он изучил образ жизни лесных мышей и выкапывал их из нор; изучил обычаи зеленого дятла и других птиц. И настал день, когда тень от ястреба не могла заставить его уползти в кусты. Он стал сильнее, умнее, увереннее. И в нем крепла отчаянная смелость. Как-то раз он вызывающе сел на открытом месте и ждал, чтобы из синей глубины к нему на поединок слетел ястреб. Он знал, что там, над ним, кружилось в небе мясо, и его желудок настойчиво требовал пищи. Но ястреб отказался принять бой, и волчонок уполз в кусты и скулил там от разочарования и голода.

Но голод кончился. Волчица принесла добычу, странное мясо, не похожее на то, какое приносила когда-либо прежде. Это был детеныш рыси, уже подросший, как и волчонок, но не такой большой. И все мясо она отдала волчонку. Его мать удовлетворила свой голод в другом месте, и он не знал ни того, что это был последний детеныш из выводка рыси, съеденного волчицей, ни того, какой отчаянный поступок совершила мать. Он знал только, что детеныш рыси с бархатной шкуркой – пища, и ел его, наслаждаясь каждым куском.

Полный желудок располагает к покою, и волчонок спал в пещере, прижавшись к матери. Его разбудило ее рычание. Никогда он не слышал, чтобы она рычала так страшно. Возможно, за всю свою жизнь она никогда не рычала грознее. Но для этого была причина, и никто не знал ее лучше, чем она. Истребление целого выводка рыси не могло пройти безнаказанно. В ярком свете полудня волчонок увидел рысь, вползающую в пещеру. При виде ее шерсть на его спине встала дыбом. В пещеру вползал ужас, ему это было ясно и без подсказки инстинкта. И если даже вид рыси был недостаточно грозным, то крик ярости, который издала незваная гостья, крик, начавшийся рычанием и быстро перешедший в оглушительный визг, оказался еще убедительнее.

Жизнь, крепнущая в волчонке, словно бросила его вперед. Он вскочил и храбро зарычал подле матери. Но та оскорбительно оттолкнула его и заслонила собою. Низкая пещера не давала рыси прыгнуть, и она продолжала ползти. Волчица ринулась на нее и придавила к земле. Волчонку не много удалось разобрать в этой битве; он слышал ужасный рев, рычание, фыркание и визг. Звери сцепились; рысь рвала и грызла волчицу, пуская в ход когти и зубы, в то время как волчица могла действовать только клыками.

Волчонок подскочил и вцепился зубами в заднюю лапу рыси, прилип к ней, яростно рыча. Хотя не знал он этого, но тяжестью своего тела он стеснял движения рыси и помогал матери. Но в пылу борьбы они подмяли его под себя и ему пришлось выпустить ногу рыси. На миг обе матери отскочили друг от друга, но, прежде чем они сцепились вновь, рысь ударила волчонка своей огромной передней лапой, разорвав ему плечо до кости и с такой силой отбросив к стене, что он перевернулся в воздухе. Пронзительный визг боли и страха прибавился к звукам борьбы. Но схватка продолжалась так долго, что у волчонка было время вдоволь накричаться и испытать новый прилив мужества. Он снова вцепился в заднюю ногу рыси, яростно рыча.

Рысь была мертва. Но и волчица сильно ослабла от ран. Сначала она ласкала волчонка и лизала его раненое плечо, но потеря крови до такой степени ослабила ее, что она целые сутки пролежала возле своего мертвого врага без движения и еле дыша. Она неделю покидала пещеру только для того, чтобы утолить жажду, и каждое движение причиняло ей боль. К концу недели рысь была съедена, а раны волчицы зажили настолько, что позволили ей снова начать охоту.

Плечо волчонка еще болело, и он долго хромал. Но мир за это время, казалось, изменился. Теперь волчонок держался в нем гораздо увереннее и с чувством гордости, какой у него не было до битвы. Он знал теперь, как сурова жизнь; он сражался, он зубами вцепился в ногу врага и остался жив. Теперь он вел себя смело и даже вызывающе, что было уже совсем ново. Он не боялся больше мелких существ, робость его почти исчезла, хотя неизвестное не переставало угнетать его своими неосоздаваемыми и вечно грозными тайнами.

Он стал сопровождать мать на охоту, часто видел, как она убивает дичь, и сам начал принимать участие в этом. Он уже начал постигать закон добычи.

В жизни есть две породы: его собственная и чужая. К его породе принадлежала его мать и он сам; к чужой – все остальные живые существа. Но чужая порода тоже делилась на две части; первую составляли те, которых его порода убивала и ела. Это были не хищники и мелкие хищники. Другая часть убивала и ела его породу, или его порода убивала и ела этих хищников. И из этого разделения создался закон. Цель жизни – добыча. Жизнь питается жизнью. Есть те, кто ел, и те, кого ели. Закон был такой: есть или быть съеденным. Волчонок не формулировал закона, не ставил границ, не разбирал его, чтобы сделать вывод. Он и не думал о законе, но жил согласно его велениям.

Он везде видел действие этого закона. Он съел птенцов глухаря. Ястреб съел их мать и хотел съесть его. Позже, когда он, волчонок, вырос, почувствовал свою силу, он хотел съесть ястреба. Он съел детеныша рыси. Рысь хотела съесть его, но сама была убита и съедена. И так без конца. Этому закону следуют все живущие и он тоже. Он – хищник. Его пища только мясо, живое мясо, которое быстро убегало от него, улетало в воздух, взбиралось на дерево, скрывалось под землю, а иногда вызывало его на бой или гналось за ним самим.

Если бы волчонок умел думать как человек, он представлял бы себе жизнь в виде ненасытного аппетита, а мир – как собрание множества appetites, преследующих и преследуемых, охотящихся или убегающих от хищника, едящих или съедаемых, – и все это в слепоте и беспорядке, среди жестокости и расстройства, в хаосе, управляемом случайностью, беспощадностью и бесконечностью.

Но волчонок не думал как человек. Он был не способен к широким обобщениям, а следовал одной мысли, сиюминутному желанию. Помимо закона добычи было множество других, второстепенных законов, которые он должен был изучить, а изучив, повиноваться им. Мир полон неожиданностей. Жизнь, которая играла в нем, и силы, управляющие телом, доставляли бесконечное счастье. Охота за дичью давала наслаждение; борьба и гнев приносили удовольствие. Даже ужас и тайна неизвестного укрепляли жизнь.

Кроме этого, в жизни было много приятных ощущений. Полный желудок, ленивая дремота на солнце – все это вполне вознаграждало его за все труды и рвение. А труды и рвение сами таили в себе награду. Они были проявлением жизни, а жизнь, когда проявляет себя, дает счастье. Таким образом, волчонок не сетовал на враждебную среду. Он был полон жизни, очень счастлив и очень доволен и горд собою.

Часть III

Глава 1 Творцы огня

Волчонок наткнулся на это нечаянно, по своей вине и неосторожности. Он вышел из пещеры и спустился к ручью, чтобы напиться. Возможно, что он не заметил этого еще потому, что был совсем сонный (он всю ночь провел на охоте и только что проснулся). Небрежность его объясняется еще тем, что путь к ручью был ему хорошо знаком. Он часто здесь бродил, и с ним ничего не случилось.

Он спустился мимо засохшей сосны, пересек поляну и побежал между деревьями. И вдруг одновременно увидел и учуял что-то незнакомое. Перед ним молча сидели на корточках пять живых существ, каких он еще ни разу не видел. Это было его первое знакомство с людьми. Но при виде его никто из них не вскочил, не оскалил зубов, не зарычал. Они не пошевелились и сидели в зловещем молчании.

Замер и волчонок. Его инстинкт требовал бежать со всех ног, но внезапно и первый раз в жизни проснулся в нем какой-то другой инстинкт. Великий страх, похожий на благоговение, сковал его. Тягостное сознание своей слабости и ничтожества лишило его сил. Перед ним были власть и могущество, далеко превышавшие его силы.

Волчонок ни разу не видел человека, но инстинктом чувствовал его могущество. Он смутно распознал в нем животное, отвоевавшее себе первенство среди прочих обитателей Северной пустыни. Не только своими глазами смотрел волчонок на человека, но и глазами всех своих предков, некогда бродивших во мраке, недалеко от бесчисленных зимних костров, и приглядывавшихся на безопасном расстоянии, скрываясь в кустарнике, к странному двуногому существу, которое стало господином над всей живой тварью. Наследственный благоговейный страх, накопленный столетиями борьбы и опыта, овладел волчком. Этого наследства хватило бы с избытком и для взрослого волка, но взрослый волк не преминул бы пуститься в бегство, волчонок же, парализованный страхом, припал к земле, уже наполовину изъясняя покорность, какую его порода выказывала с тех пор, как волк впервые подошел к человеку и стал греться у разложенного им костра.

Один из индейцев встал, подошел к волчонку и наклонился над ним. Волчонок еще ниже припал к земле. Неизвестное, воплотившееся наконец в существо из плоти и крови, нагнулось к нему и попыталось его схватить. Волчонок ошетинился, зарычал, и его маленькие белые клыки обнажились.

Протянутая, подобная року, рука остановилась на минуту, и человек сказал со смехом:
– Вабам вабиска ип пит тах! (Смотрите, какие белые клыки!)

Другие индейцы громко засмеялись, подзадоривая его схватить волчонка. Рука опускалась ниже и ниже, а в волчонке боролись два противоположных инстинкта. Один внушал ему, что надо покориться, другой толкал на борьбу, результатом чего стал компромисс. Он последовал обоим инстинктам. Он покорялся до тех пор, пока рука не коснулась его. Тогда он стал бороться, вонзил зубы в руку. В следующий момент он получил удар по голове, сваливший его на бок. Тут уж пропала всякая охота бороться. Волчонок превратился в покорного щенка. Он сел на задние лапы и заскулил. Но человек, чью руку он укусил, рассердился. Волчонок получил новый удар по голове, от которого опрокинулся и заскулил еще громче.

Четыре индейца хохотали, и даже укушенный засмеялся. Они окружили волчонка и смеялись над ним, а тот продолжал скулить от боли и ужаса. Но вот он что-то услышал и насто-

рожился, индейцы тоже насторожились. Волчонок знал, что это было, и, издав последний протяжный вопль, в котором слышалось больше торжества, чем боли, умолк, дожидаясь прихода матери – свирепой, неукротимой матери, сражавшейся со всеми, убивавшей всех и ни перед чем не отступавшей. Она приближалась с громким рычанием. Услышав вопли волчонка, она бросилась ему на помощь.

Она кинулась к людям, разъяренная, готовая на все, и это придавало ей дьявольский вид. Но этот спасительный гнев только обрадовал волчонка. Он взвизгнул от счастья и бросился навстречу матери, в то время как люди поспешно отступили на несколько шагов. Волчица стояла между детенышем и людьми, оцетинившись и яростно рыча. Даже волчонок не узнавал ее: до такой степени ярость сделала ее страшной.

Но один из людей крикнул:

– Кич!

В этом восклицании слышалось удивление, и волчонок почувствовал, как вздрогнула его мать.

– Кич! – крикнул снова человек, на этот раз резко и повелительно.

И волчонок увидел, как волчица, его бесстрашная мать, поползла, извиваясь, по земле, визжа от радости, виляя хвостом и всем видом выражая миролюбие. Волчонок ничего не понимал. Он был потрясен. Чувство благоговения к человеку овладело им с новой силой. Итак, инстинкт не обманул его: мать подтверждала это. Она тоже выражала покорность перед этими неведомыми существами.

Человек подошел к волчице. Он положил руку ей на голову, а она припала к земле еще плотнее. Она не укусила его, даже не угрожала. Прочие люди тоже приблизились, окружили ее, ощупывали, притрагивались к ней, а она не пыталась их отогнать. Они были крайне возбуждены, их рты издавали громкие звуки. Но в этих звуках не было ничего угрожающего, и волчонок подполз и прижался к матери, все еще взвизгивая по временам, хотя и стараясь сдерживаться.

– Все просто и понятно, – заговорил индеец, – ее отец был волк. Правда, по матери она произошла от собаки. Но разве мой брат не оставлял ее мать привязанной три ночи в лесу? Значит, отцом Кич был волк.

– Уже прошел год, Серый Бобр, как она убежала, – сказал второй индеец.

– И в этом нет ничего странного, Язык Лосося, – ответил Серый Бобр. – В то время был голод, и собакам не хватало мяса.

– Она жила среди волков, – сказал третий индеец.

– Похоже на то, Три Орла, – сказал Серый Бобр, положив руку на волчонка, – и вот доказательство.

Волчонок слегка зарычал, почувствовав прикосновение, и рука поднялась, чтобы нанести удар. Но волчонок спрятал клыки и с покорным видом приник к земле, а рука стала чесать у него за ухом и гладить по спине.

– Вот доказательство этого, – продолжал Серый Бобр. – Ясно, что его мать – Кич, а отец – волк. Поэтому в нем мало собачьего и много волчьего. И так как у него белые клыки, то и кличка ему будет Белый Клык. Я сказал. Он – моя собака. Разве Кич не была собакою моего брата? И разве не умер брат мой?

Волчонок, получивший таким образом имя, лежал и слушал. Еще некоторое время люди издавали ртами свои звуки. Потом Серый Бобр вынул нож из чехла, висевшего у него на шее, пошел в кустарник и вырезал палку. Белый Клык наблюдал за ним. Серый Бобр сделал зарубки на концах палки и обвязал вокруг них ремни из сыромятной кожи. Один ремень он надел на шею Кич, затем подвел ее к небольшой сосне и привязал второй ремень к дереву.

Белый Клык пошел за матерью и лег подле нее. Язык Лосося протянул руку и перевернул его на спину. Кич выказала беспокойство, и страх снова овладел Белым Клыком. Он не

мог подавить в себе рычание, но уже не делал попыток кусаться. Рука приятно гладила его по животу и перекачивала то на одну, то на другую сторону. Было смешно и неловко лежать на спине с растопыренными кверху лапами. Кроме того, Белый Клык был так беспомощен в этом положении, что все его существо восставало против такого унижения. Он не мог защищаться. Если бы это неведомое существо захотело причинить ему боль, то Белый Клык знал, что ему этого не избежать. Попробуйте отпрыгнуть, когда все ваши четыре лапы подняты кверху! Однако покорность заставила его подавить страх, и он только рычал едва слышно. Рычание вырывалось невольно, и за рычание теперь не били по голове. К тому же, как это ни странно, Белый Клык испытывал какое-то необъяснимое блаженство, когда рука гладила его по шерсти. Когда же он был перевернут на бок, то и рычать перестал, а когда пальцы стали чесать у него за ухом, приятное ощущение усилилось. Погладив, человек оставил его в покое и отошел, и весь страх испарился в Белом Клыке. Ему предстояло еще много раз испытывать страх перед человеком, но теперь совершился как бы залог тех дружеских отношений, которые должны были установиться между ним и людьми.

Некоторое время спустя Белый Клык услышал приближение странных звуков и определил их как звуки, издаваемые людьми. Подходила остальная часть племени, растянувшаяся в длинную вереницу, как это принято у индейцев в походе. Здесь было много мужчин, женщин и детей – всего около сорока человек, и все они сгибались под тяжестью лагерного скарба и оружия. С ними пришло очень много и собак, тоже, за исключением щенят, нагруженных разной поклажей. На спине в мешках каждая собака несла от двадцати до тридцати фунтов разного груза.

Белый Клык еще не видел собак, но при встрече почувствовал, что они одной с ним породы, только в чем-то не сходны с ним. Они тотчас же доказали, как незначительно их отличие от волков, когда учуяли волчонка и его мать. Началась свалка. Белый Клык, ошетинившись, рычал и хватал зубами за морды налетающих собак, но был сбит с ног и почувствовал, как острые зубы собак впиваются в его тело. Лежа под ними, он хватал их за ноги и животы. Поднялась невообразимая суматоха. Он слышал рычание Кич, бросившейся ему на помощь, крики людей, палочные удары, которыми отгоняли собак, и вой побитых животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.